

АРГЕНТИНЕЦ

ЭЛЬВИРА БАРЯКИНА

Эльвира Валерьевна Барякина
Аргентинец
Серия «Грозовая эпоха», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415912

SelfPub; 2018

Аннотация

Клим Рогов был иностранным журналистом и когда в России произошла революция, ему дали шанс уехать за границу и спастись от ужасов гражданской войны. Но он попытался вывезти с собой любимую женщину, и драгоценное время было упущено. Клим принял решение остаться с ней и защищать ее – покуда хватит сил. Иллюстрация: Ольга Терещенко.

Содержание

Глава 1. Блудный сын	6
1	6
2	11
Глава 2. Благородная дама	24
1	24
2	26
3	29
4	33
5	36
6	39
7	42
Глава 3. Переворот	44
1	44
2	46
3	51
4	55
5	57
6	62
7	66
Глава 4. Всемирный потоп	69
1	69
2	73
3	77

4	79
Глава 5. Вторжение	80
1	80
2	83
3	88
4	89
5	91
6	93
7	95
Глава 6. Революционный Петроград	99
1	99
2	101
3	103
4	105
5	106
6	109
7	113
Глава 7. Заговорщики	116
1	116
2	120
3	124
4	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Эльвира Барякина

Аргентинец

«Грозовая эпоха». Книга 1

Роман о русской революции 1917 года

Официальный сайт Эльвиры Барякиной – <http://baryakina.com>

Copyright © 1997–2017 Elvira Baryakina

СЕРИЯ «ГРОЗОВАЯ ЭПОХА»

КНИГА 1. Аргентинец

КНИГА 2. Белый Шанхай

КНИГА 3. Князь советский

Глава 1. Блудный сын

1

Клим Рогов сбежал из дома, забрав самое дорогое, что было у отца, – мечты о своём блестящем будущем. Было в этом особое, мрачное удовольствие: «Ты хотел, чтобы я дослужился до губернского прокурора? Стал, как и ты, грифом-падальщиком, который наживаете на чужих несчастьях? Чёрта с два, папенька... Чёрта с два».

Прошло десять лет, и Клим снова стоял ночью на крыльце родного дома – постаревшего, нелепого, заросшего сиренью и плющом, но всё ещё роскошного. С двумя мраморными медведями при входе и с белым балконом, выдающимся вперёд, словно ящик туалетного столика.

Климу хотелось вернуться в свой город знаменитым иностранным журналистом, любимцем судьбы, чьими статьями упивалась вся Аргентина. Но летом 1917 года путешествовать в таком качестве было небезопасно. Россия вот уже три года воевала с немцами, экономика рухнула, и страна наводнилась вооружёнными дезертирами, не желавшими умирать неизвестно за что. Иностранцы в белых костюмах и с чемоданами, оклеенными заграничными марками, были для них желанной добычей, и Климу пришлось отпустить тём-

ную щетину, купить солдатскую форму и потёртый короб для вещей и в таком опереточном виде явиться в Нижний Новгород – принимать папенькино наследство.

Странное это было чувство – стоять на крыльце *своего* дома. Постучишь в дверь, войдёшь в некогда запретное царство – и вся твоя прежняя жизнь будет перечёркнута. Прибегит кухня Любочка, снимавшая в доме второй этаж, в дверях столпится заспанная прислуга, и начнутся охи-вздохи: «На кого же ты нас покинул?» Путешественник и журналист превратится в богатого наследника, и кто знает, во что это выльется?

Клим достал из кармана ключ – единственную вещь из дома, которая пережила все его скитания по миру. Интересно, папенька приказал сменить замок?

Ключ повернулся, и дверь бесшумно отворилась. С бьющимся сердцем Клим нашарил выключатель на стене – привычным движением, которое так и не стёрлось из памяти.

В прихожей ничего не изменилось: всё то же высокое зеркало в серебристой раме, на кривоногом резном столике – обувные рожки и щётки; в углу – рыцарские доспехи с копьём и щитом. Клим поднял забрало на шлеме и заглянул в гулкое нутро. Когда-то в детстве ему казалось, что там прячется усохший от времени рыцарь, вроде маленького Дон Кихота.

Послышались торопливые шаги, и в прихожую влетела юная горничная с тёмными кудрявыми волосами, рассыпан-

ными по плечам.

– Вы как тут оказались?

– Зашёл с улицы, – с улыбкой отозвался Клим. – Я Рогов-младший, наследник.

Девушка чрезвычайно понравилась ему. Бывают же такие прелестные создания! Хрупкая, большеглазая, грациозная в каждом движении... И даже чёрный наряд прислуги её не портил.

– Ты давно тут служишь? – спросил Клим.

– Э-э... – Она растерялась, будто не знала, что сказать. – Недавно.

Клим обходил прихожую и рассматривал прежние, ничуть не изменившиеся вещи: рогатую вешалку с ножками, изгрызенными щенком; ковёр, на который Клим когда-то пролил «зажигательную смесь». Среди красно-коричневых узоров до сих пор темнела небольшая клякса.

Он ласково потрепал горничную по плечу.

– Займись моим коробом, ладно?

Эх, таких девчонок носят на руках и соблазняют конфетами!

Его взгляд остановился на открытых дверях, ведущих в библиотеку, и он позабыл обо всём на свете. Вошёл и замер, растроганный и оглушённый навалившимися воспоминаниями. Свет электрической лампы отражался в стёклах книжных шкафов и золотил корешки бесчисленных энциклопедий. Когда-то эта комната была для Клим и великой сокро-

вишницей, и камерой пыток. Сидя в красном кресле, он упивался остроумным Марком Твенем, а за этим резным столом переписывал латинские фразы – под строгим надзором отца. *Dura lex sed lex*: суров закон, но это закон.

На столе всё ещё стояла чернильница в виде компаса, а на стене висела карта мира с воткнутыми в неё цветными булавками – ими Клим обозначал города, в которых ему довелось побывать. Когда он сбежал из дому, на карте были помечены лишь Москва, Санкт-Петербург и Берлин, куда мама свозила его незадолго до смерти. А сейчас булавки красовались и в Персии, и в Китае, и в Аргентине. Стало быть, Любочка показывала Рогову-старшему все письма, полученные от «блудного сына».

На столе – Бог ты мой! – стояла рамка с фотографией Клима. Он отправил её два года назад, когда его впервые пригласили в Каса-Росада, розовый президентский дворец. С каким чувством папенька разглядывал этот снимок? Помнил ли о том, как орал на Клима: «И в кого ты такой бестолочью уродился?»

За спиной тихонько щёлкнул замок, и Клим поднял голову. Его заперли?

– Эй! Может, хватит дурака валять?

Ему никто не ответил. Он подёргал тяжёлые дубовые створки.

– А что, если я злопамятный? А что, если кого-то выгонят со службы?

За дверью послышался женский шёпот:

– Я не знаю, как он пробрался в дом! Ему, верно, сказали, что вы ждёте Клима и что доктор Саблин по ночам на службе.

– Надо позвать кого-нибудь!

– У вас оружие есть?

– М-м-м... Кажется, только копьё.

Клим постучал кулаком в створку.

– Любочка, открой! Это правда я.

За дверью охнули, дверь распахнулась, и ему на шею бросилась хрупкая женщина с фарфоровым личиком и светлыми пушистыми волосами.

– Господи, как я соскучилась! – смеялась и плакала Любочка, целуя его в щёки.

Они оглядывали друг на друга, не веря своим глазам.

– Ну на кого ты похож? – захохотала Любочка. – Борода, гимнастёрка... Вылитый дезертир!

У Клима тоже не укладывалось в голове, что девочка, которая когда-то жаловалась на него: «Он меня Одуванчиком дразнит!», превратилась в маленькую даму с обручальным кольцом на руке.

Бдительная горничная смотрела на них, изумлённая и пристыжённая.

– Я пойду, – наконец произнесла она и, попятившись, исчезла.

Уже было глубоко за полночь, а Любочка и Клим всё сидели в библиотеке и болтали – как в детстве.

– Помнишь, как нас укладывали спать, – говорил Клим, – а мы подкрадывались к дверям гостиной и слушали, как взрослые играют на рояле?

– А помнишь, как нас возили на танцкласс? – вторила Любочка. – У тебя были нитяные перчатки, ты всегда был лучше всех, а мне учитель говорил: «Мамзель, вы мокрая как рыба, идите переодевайтесь». Так стыдно было!

Столько всего было пережито вместе! И так хорошо было встретиться – будто и не было десяти лет разлуки.

– Всё-таки напрасно ты уехал, – вздохнула Любочка. – Мы же тебя так любили, особенно твой отец...

Клим нахмурился. Папенька считал себя вправе ударить его – и словом, и кулаком.

– Он смотрел на меня как на вещь... как на собственность!

– Вот уж неправда! – запальчиво сказала Любочка. – Он тебе целое состояние оставил. Как думаешь, почему?

– Из чувства мести. Заставил меня ехать через Тихий океан, через всю Сибирь... В поезде меня раз пять пытались ограбить.

– Но ведь не ограбили?

– Я хороший боксёр. Ладно, Бог с ним, с папенькой, – сказал Клим, поднимаясь. – Помнишь, ты заказывала иглы для граммофона? Я их привёз. Твоя горничная уже разобрала мои вещи?

Любочка нахмурилась.

– Какая горничная?

– Ну, та, что заперла меня в библиотеке.

– Это моя подруга, графиня Одинцова. Мой муж дежурит сегодня в больнице, и я попросила Нину остаться ночевать. Одной-то страшно: дом большой, а из прислуги тут никого, кроме кухарки.

Клим не знал, что и сказать.

– А почему твоя графиня была в форме горничной?

– Ничего ты не понимаешь! Это траурное платье. Нинин муж погиб в начале войны, и она всё время ходит в чёрном.

Вот ведь угораздило вляпаться! Кажется, он говорил с графиней на «ты» и грозился её уволить.

– Я сейчас её приведу, и вы помиритесь, – сказала Любочка и отправилась за своей подругой.

Но оказалось, что Нина уже ушла домой. Одна, посреди ночи.

3

Когда-то Любочке льстило, что она вышла замуж за блестящего хирурга, получившего образование в Англии. Но два года брака не принесли ей ничего, кроме разочарования.

Варфоломей Иванович Саблин был стройным, воспитан-

ным и даже приятным, но у него было полностью атрофировано чувство восторга перед женщиной – как у дальтоники атрофировано чувство цвета. Саблин не умел говорить комплименты, никогда не обнимал Любочку и признался ей в чувствах всего один раз – когда позвал замуж. Его страсть выражалась в том, что он спрашивал, как дела, и давал деньги на хозяйство.

Любочка долго не признавалась себе в том, что ей скучно с Саблиным и она уже слышать не может его разговоры о войне и медицине. Чтобы развлечься, она собирала у себя общество и устраивала чужие судьбы. По четвергам мебель в её гостиной сдвигали в сторону, освобождая место под танцы. Пробки шампанского взлетали к потолку. «Господа, выпьем за прекрасную Любовь Антоновну!» – кричали раскрасневшиеся гости. Приятное тепло, временное облегчение – будто от горчичников, которые ставят как местнораздражающее и отвлекающее средство.

Клим приехал и всё разломал. Любочка никогда не признавалась ему, что ещё в детстве была влюблена в него до беспамятства. Видит Бог, она надеялась на то, что он стал другим, недостойным её чувств, но стоило ему заговорить с ней, а уж тем более – побриться и надеть приличный костюм, – как Любочка поняла, что ничего не изменилось.

Она тихо обмирала, глядя на его загорелое лицо со смеющимися карими глазами; на то, как он читает книжку на испанском; как пьет аргентинский чай «мате» – не из стакана,

а из тыквенного кубка, оправленного в серебро, через серебряную трубочку под названием «бомбижья».

Клим жил так, будто нет никакой войны: он слышать не хотел о карточках и велел кухарке покупать самую лучшую провизию, пусть по безумным ценам. Он не интересовался ни новостями с фронта, ни делами бессильного Временного правительства, руководившего страной после отречения царя. Это выглядело возмутительно и здорово – будто внешние обстоятельства не имели над Климом власти.

Любочка осторожно выпрашивала его, что он намерен делать – теперь, когда стал богатым человеком. Клим отшучивался:

– Стану царем Кощеем, буду чахнуть над золотом и похищать девиц.

Многие Любочкины подруги были бы на седьмом небе от счастья, если бы их похитили и увезли в чудесную страну, о которой рассказывал Клим. По его словам, в Аргентине водились морские львы, мясо было дешевле хлеба, а на улицах городов росли пальмы и кипарисы.

А Любочке не суждено было увидеть эти чудеса: Климу даже не приходило в голову рассматривать её как женщину.

Она то и дело подмечала неприятную разницу: вот ловкий, остроумный, элегантный кузен, а вот её стеснительный муж, глядящий на всех исподлобья, старающийся двигаться как можно меньше, чтобы лишний раз не показывать своей хромоты. Во время Русско-японской войны Саблин был ра-

нен в колено и с тех пор сильно припадал на правую ногу. Именно поэтому он не попал на германский фронт.

Любочка по-родственному всюду сопровождала Клим и старательно оберегала его от встреч с «ненужными людьми». Она ревновала его даже к друзьям детства, которых он хотел навестить. Впрочем, навещать было некого: всех ровесников Клим призвали в армию.

– Стучишься в дверь и гадаешь: убит? ранен? в плену? – вздыхал он. – В голове не укладывается: половина нашего класса уже в могиле.

Но Любочке не хотелось думать о грязи и смерти. Клим дал ей то, что она ценила больше всего на свете, – романтику, красоту и сильные чувства, – и ничто не должно было портить ей праздник. Она водила кузена по театрам и ресторанам, а он учил её танцевать аргентинское танго и показывал ей свои личные «места боевой славы». Ему нравилось приезжать на острова, где он рыбачил в детстве, или забираться в развалины древнего кремля, где у нижегородских мальчишек проходили сражения, охоты и состязания.

Любочка была готова отдать всё что угодно, лишь бы кузен не покидал её, и иногда ей казалось, что это вполне возможно. Клим строил из себя циника, которого интересуют только деньги, но Любочка ясно видела, что он вернулся в Россию не за наследством. Он поехал на другой конец света, потому что ему нужно было примириться со своим прошлым и с самим собой, и она старательно подводила его к

мысли, что для этого надо остаться в Нижнем Новгороде и занять в нём подходящее место.

4

Пролётка несла Любочку и Клина по набережной. Каждый раз он с замиранием сердца глядел на зелёные, искромсанные оврагами кручи, на лодки рыбаков, дровяные баржи и юркие парходы-фильянки с чёрными самоварными трубами. Справа, через реку, пестрели склады и пристани Нижегородской ярмарки, слева – разноцветные купола церквей и нарядные здания купеческих контор. Дворцы, часовни, трактиры, страшная Миллионка, где в каждом доме притон, каждый день праздник – то драка, то пожар.

Пролётка вылетела на крутой откос и остановилась перед расписным теремом «Восточного базара», лучшего ресторана в городе. Ступени крыльца покрывал красный ковёр, а у входа стояли охранники в черкесках с газырями.

Клим и Любочка прошли вслед за метрдотелем через сумрачный ресторан на увитую плющом веранду. Внизу, под горой, расстилалась Ока, розовая в лучах заката. За ширмой из тропических растений играл оркестр, и певица в платье, расшитом розами, пела о любви.

– Видишь, у нас тут совсем неплохо, – сказала Любочка, садясь за столик под туго накрахмаленной скатертью.

В ожидании заказа Клим рассказывал ей о районе Сан-Тельмо, где он жил. Некогда это была престижная часть Буэнос-Айреса, но из-за эпидемии жёлтой лихорадки все бога-

чи сбежали оттуда и сдали свои дома эмигрантам.

– Там тоже очень красиво, – мечтательно произнёс Клим. – Высокие окна с жалюзи, что ни дверь – то произведение искусства. Но народ, конечно, не шикует.

– Теперь тебе придётся съехать оттуда, – сказала Любочка.

– О, нет! В моём доме на первом этаже – ресторан, на втором – итальянское семейство с шестью дочками на выданье, а моя квартира находится ещё выше. У меня там прекрасный балкон в завитушках, а над ним – лепной герб, в котором гнездятся перелётные птицы. Неужели такую прелесть можно на что-то променять?

– Можно, – с уверенностью отозвалась Любочка.

Старший официант и его подручные принесли тонко нарезанный балык, золотистых куропаток, фуа-гра с черносливом в крохотных фарфоровых чашках и шампанское в ведёрке со льдом. Здесь, в «Восточном базаре», будто и не слышали об очередях за провизией и запрете на алкоголь, введённом с начала войны.

– На что ты можешь рассчитывать в своей Аргентине? – спросила Любочка, отпивая глоток шампанского. – Как бы ты ни старался, там у тебя всё равно не будет *имени*. И у твоих детей тоже. Здесь ты дворянин, отпрыск знатного рода, а там на тебя всегда будут смотреть как на чужака. Нельзя прийти из ниоткуда и стать кем-то значимым.

Клим улыбнулся и показал глазами на посетителей за соседними столиками: юных дев, затянутых в шелка, и господ

во фраках и кителях.

Любочка смутилась. Она не раз говорила Климу, что с начала войны мир перевернулся с ног на голову и теперь всем заправляют безымянные выскочки – подрядчики и «вагонники», перегонявшие продовольствие из губернии в губернию. Увы, она настолько привыкла к тому, что её окружает, что не замечала тревожных знаков и часто выдавала желаемое за действительное. Между тем на Нижегородской ярмарке, некогда принимавшей до двух миллионов посетителей, половина лавок стояли заколоченными – нечем было торговать, некому было продавать. Цены росли, фабрики закрывались, а на фронте гибли тысячи солдат – каждый божий день.

Разумеется, при деньгах можно было выстроить себе пяточок ухоженной действительности, но как в нём жить, если на соседней улице бабы с голодухи громят продовольственные лавки? Когда Клим думал об этом, ему хотелось как можно скорее уехать. Но он не смел заговаривать об этом с Любочкой и её гостями. Случись что – он мог укрыться в безопасном месте, а им было некуда бежать.

Внезапно лицо Любочки изменилось, словно она заметила нечто странное за спиной у Клим. Он обернулся и увидел графиню Одинцову, стоящую у перил.

На этот раз она была не в трауре. Закатное солнце отражалось в синем стеклярусе на её платье; тёмные волосы волнами расходились от пробора до пышного узла на затылке.

Она медленно обмахивалась большим чёрным веером, и завитки страусовых перьев колыхались, как морская трава.

«Принял за горничную... — пронеслось в голове у Клима. — Болван, болван!»

Извиниться за свою нелепую ошибку? Звать Нину к столу, говорить комплименты и заказывать всё, что она пожелает? Оркестр заиграл танго:

Он следит за сеньорой ночами,
За чужими плечами,
За стаканом печали.
Он как жгут перекручен,
Как провод искрит,
Он затоптан её каблуками...

Клим поднялся.

— Я сейчас... — сказал он, не глядя на Любочку, и направился через веранду к графине.

Каким ветром занесло её сюда, к «вагонникам» и их подругам? Она кого-то ждёт? Или пришла с кем-то?

Нина обернулась, и чёрный веер, сложившись, выпал из её руки и повис на запястье на тонкой бархатной ленте.

— Добрый вечер! — произнёс Клим и склонил голову.

Его пульс учащённо бился, отсчитывая секунды. Казнит? Залепит пощёчину? Поднимет на смех, припомнив угрозы её уволить?

— Добрый вечер! — отозвалась графиня.

Её серо-зелёные глаза смотрели спокойно и непроницаемо. Если бы она разгневалась или надменно скривила губы, Клим знал бы, что сказать, – придумал бы какую-нибудь шутку, – но Нина разглядывала его, будто видела впервые. Может, она не узнала в нём грубияна-«грабителя»?

– Вы танцуете? – произнёс Клим волшебные слова.

К его радостному изумлению, она молча протянула руку, и они вышли на танцевальную площадку.

– Это аргентинское танго, – тихо проговорил Клим. – Встать надо ближе.

– Так? – Нина быстро взглянула ему в глаза, придвинулась, и её лёгкий выдох пришёлся Климу на шею.

– Да, так.

– И что надо делать?

– Следовать за мной.

Клим ощущал твёрдость колец на её тонкой руке, прикосновение бедра – через шёлк юбок; нервное напряжение спины, движение лопаток и ещё кое-что: интимный шов на сорочке под платьем, которого он касался бессовестными, немеющими пальцами.

Певица пела о невозможном счастье, а Клим смотрел на склонившуюся к его плечу женщину, и у него замирало сердце от вдохновения и предчувствия чего-то огромного и неизбежного.

Ищет взглядом

Знаки судьбы —
Намёк на спасенье
От наваждения.
Не выносит душа ледяной пустоты,
Не оспорить закон притяжения.

Танго смолкло. Клим отступил на шаг и поклонился. Ну, что теперь?.. Можно пригласить её за свой столик?

– ¡*Gracias, señora!* – произнёс он, но Нина не ответила.

В двух шагах от них стоял высокий, крепкий, наголо обритый господин лет сорока пяти.

– Нина Васильевна, – позвал он ласково, – мне надо с вами поговорить.

– Да, конечно. – Она повернулась к Климу: – Прошу прощения.

Они ушли, и Клим вернулся за столик к Любочке.

– Ты знаешь того господина, который...

– Его все знают, – отозвалась она. – Это Матвей Львович Фомин, председатель Продовольственного комитета.

На тарелке перед ней лежала ошипанная виноградная кисть и ягоды – сорванные, но не съеденные. Она взяла одну из них и сдавила отманикюренными пальцами. Выскочив из кожуры, ягода улетела под соседний столик.

Любочка поманила проходившего мимо официанта.

– Счёт, пожалуйста!

Клим оглядел веранду в надежде увидеть Нину, но её нигде не было.

– Мы едем домой, – произнесла Любочка тоном, не допускающим возражений. – У меня голова болит.

5

Всю дорогу она распекала Клима:

– Ты что, не догадался, что Нина пыталась тебя окрутить? Она три года не снимала траур и вдруг явилась в ресторан, разряженная в пух и прах. Я вчера ей сказала, что мы пойдём в «Восточный базар», – и вот, пожалуйста!

– Что ты на неё взъелась? – удивился Клим. – Я сам её пригласил, мне надо было загладить вину. Графиня, кажется, не в обиде...

В его голове всё ещё звучало танго, а в мышечной памяти, от кончиков пальцев до сгиба локтя, застыло томительное чувство – как он обнимал Нину.

Любочкины глаза сузились, а нижняя губа задрожала, как бывало в детстве, когда она собиралась заплакать.

– Не обольщайся особо, – произнесла она, глядя в сторону. – Нина тебе денег должна. Много.

Свернув на Ильинскую улицу, пролётка остановилась у особняка с мраморными медведями. Клим спрыгнул в нагретую за день пыль.

– Что это вы так рано вернулись? – спросила кухарка Мариша, открывая дверь.

Клим прошёл мимо неё в отцовский кабинет. За всё это время он так и не удосужился разобрать папки с ценными бумагами – бухгалтерия и всё, связанное с финансами, наво-

дило на него смертную тоску.

Он покрутил колёсики старинного американского сейфа и достал папку в чёрном коленкоровом переплёте. Вексель, подписанный графом Одинцовым, Владимиром Алексеевичем, нашёлся сразу: пять лет назад муж Нины занял у старшего Рогова двадцать тысяч рублей под семь процентов годовых, а в обеспечение оставил небольшой льнопрядильный завод в деревне Осинки. Всё было оформлено честь по чести: вот подпись нотариуса, вот печать, вот марки гербового сбора. Срок платежа приходился на 1 октября 1917 года.

Значит, это была правда: Нина охотилась не за Климом, а за его богатством. А ведь он уже успел нафантазировать бог весть что.

Глава 2. Благородная дама

1

Клим бросил хождения по театрам и ресторанам и теперь дни напролёт проводил в банках и у присяжных поверенных. Отец оставил ему чуть меньше трёхсот тысяч, и, чтобы расквитаться с делами, нужно было распродать имущество, перевести рубли в валюту и отправить весь капитал в Буэнос-Айрес.

Но оказалось, что продать дом не так-то просто. Денег у людей не было, а разбогатевшие на господрядах чиновники и купцы не стремились вкладываться в недвижимость. Временное правительство могло в любой момент конфисковать здание под свои нужды. Кроме того, страхование практически развалилось: случись пожар – кто будет оплачивать убытки?

Вечерами Клим заглядывал в людскую и выспрашивал у кухарки о гостях, приходивших к Любочке. Он надеялся, что Нина вновь объявится – хотя бы для того, чтобы договориться о платеже по векселю. Но она так и не пришла.

Клим рассматривал вексель, выписанный её мужем. Самому явиться к ней и спросить, как она будет расплачиваться? Сумма большая, сроки подходят...

Разузнав, где живёт Нина, Клим несколько раз проходил

мимо её дома на Гребешковском откосе, смотрел издали на окна, украшенные лепниной, и возвращался ни с чем. Накручивал досаду, сомневался в себе, чего с ним давно не случилось.

Смятение, раздражение... Чем именно взволновала его эта женщина? Клим ничего о ней не знал... Одно наложилось на другое – сначала восторг, потом угрюмая растерянность и вызов самолюбию: «Как так, неужели меня не ценят самого по себе?»

По ночам Клим одолевали яркие фантазии, от которых невозможно было уснуть. Графиня Одинцова представлялась ему в поблёскивающем синем платье с беззащитным декольте, куда он то и дело соскальзывал охальными глазами. Но чем дольше Клим тянул время, тем меньше надеялся на... он и сам не знал, на что. Он уезжал – Нина оставалась. Надо было перестать морочить себе голову и отдать её вконец присяжным поверенным. Пусть они разбираются.

Клим сидел в отцовском кабинете и листал подшитые в папку документы. «Владелец сей облигации имеет право на процент...» На окне жужжала муха; в Вознесенской церкви звонили к обедне.

– Барин, к вам пришли! – постучала в дверь Мариша и подала Климу визитную карточку, на которой значилось: «Графиня Одинцова».

Клим вмиг забыл об облигациях.

– Проси! – велел он и скинул папку в выдвижной ящик стола.

Однако в кабинет вошла совсем не Нина, а дородная пожилая дама в чёрном кружевном платье.

– Меня зовут Софья Карловна, – произнесла она, протягивая Климу руку.

Он пожал её, стараясь не показывать досады. Ладно, не всё так плохо: эта дама наверняка приходилась родственницей Нине, и у неё можно было кое-что разузнать.

Софья Карловна опустила кресло и долго не сводила с Климата тяжёлого взгляда светло-голубых глаз.

– Вы унаследовали вексель моего сына, – наконец выговорила она, – но моя невестка, которая, собственно, должна с вами расплатиться, попала в очень нехорошую ситуацию.

– А что случилось? – встревожился Клим.

Софья Карловна глубоко вздохнула, будто собираясь с духом.

– За время войны мы очень обеднели: мужиков и лошадей забрали в армию, и работать на полях стало некому. Моя невестка познакомилась с председателем Продовольственного комитета, и он убедил её, что она должна возродить старый льнопрядильный завод в Осинках.

Клим вспомнил господина Фомина, с которым ушла Нина. На затылке у него была складка – как щель для монет у свиньи-копилки.

– Так чем я могу помочь? – сухо спросил Клим.

– У Нины нет наличных денег, – отозвалась Софья Карловна, – и она хотела попросить об отсрочке. Фомин отправился в столицу, чтобы добыть для неё государственный подряд на изготовление рукавиц для армии, и Нина надеется, что это позволит ей расплатиться по векселю.

Ну, вот всё и выяснилось. Нина вовсе не собиралась «окрутить» своего кредитора: она всего лишь хотела заключить перемирие после крайне неудачного знакомства.

– Какую именно отсрочку вы хотите? – спросил Клим.

– Нет-нет, вы меня не так поняли! – испугалась Софья Карловна. – Заберите у Нины завод!

Клим в недоумении посмотрел на неё.

– Мне нужны деньги, а не...

– Если вы дадите отсрочку и уедете в Аргентину, то можете забыть об этих деньгах. Я знаю, что у Фомина на уме: он

провернёт аферу в Петрограде, женится на Нине и получит завод, на котором можно будет зарабатывать большие деньги. Что вы ему сделаете, если он откажется платить по векселю? Пришлёте грозное письмо?

– А что будет с вашей невесткой, если я заберу у неё завод?

– Вы убережёте её от непоправимой ошибки. Фомин – человек не нашего с вами круга! Он морочит Нине голову, а у неё не хватает ума разобраться, что к чему. Как только Фомин узнает, что она бесприданница, он тут же потеряет к ней интерес. Что ему наш дом или библиотека? Они требуют расходов, а у него зимой снега не допросишься.

Софья Карловна помолчала.

– Я и в страшном сне не могла представить, что на старости лет могу оказаться на улице. Если Нина выйдет за Фомина, мы не уживёмся под одной крышей... Голубчик, я ваш очень прошу: поезжайте в Осинки и поговорите с Ниной, она сейчас там. Фомин в отъезде, так что вам никто не мешает.

На палубе фильяничика толпились бабы с котомками, монахи и плотники с замотанными в рогожу пилами. Кто дремал, кто разговаривал.

Клим сидел на корме и проклинал себя за самонадеянность и фантазёрство.

Авантюрист... Сам подумай: зачем тебе целый день плыть куда-то на ржавом пароходике? А что, если Нина премного счастлива с Фоминым? Что, если Софья Карловна всё преувеличила? Ведь она явно переживала не за Нину и не за чужие доходы, а за своё будущее.

И всё же Клим ехал в деревенскую глухомань, дышал угольной копотью и сдвигал шляпу на лоб, чтобы никто не видел его тревожных глаз.

Небо – как опрокинутая чашка, по берегам – громады лесов. Чёрные топляки выглядывали из воды, как доисторические звери, и их отражение расслаивалось по волнам зигзагами.

– Вот ваши Осинки! – сказал матрос, показывая Климу на старинный барский дом на холме.

Фильяничик направился к покосившейся пристани, и волна от его колеса чуть не перевернула тяжело гружённую лодку, в которой сидели две девушки в широкополых шляпах.

В Осинках сошли только двое – Клим и белокурый паре-

нёк по имени Жора Купин. Он всю дорогу развлекал пассажиров стихами собственного сочинения и байками о своём папаше-портном, знаменитом на всю Нижегородскую ярмарку.

Матросы втянули сходни, и фильяничик двинулся дальше. Солнце припекало, ветер шевелил листву на столетних деревьях. Над прибрежными кувшинками носились стрекозы.

Клим взглянул из-под ладони на барский особняк. Издали он казался нарядным, но теперь было видно, что краска на его стенах облупилась, а штукатурка пошла трещинами.

Подхватив дорожный короб, Клим двинулся вверх по косогору, но остановился, услышав голос Жоры.

– Еленка! – кричал он, помахав рукой девушке в лодке. – Принимайте гостя!

Может, спросить у него, где найти графиню Одинцову? Он говорил, что всех знает в Осинках.

Клим спустился назад к пристани и замер. Лодка причалила, и из неё на поросшие мхом мостки выбралась Нина – босоногая, в мокром до колен чёрном платье. Пока она придерживала корму, Жора с Еленой вытащили из лодки большое церковное паникадило. Втроём они перенесли его на песок.

– Архип ночью залез в нашу домовую церковь и вынес оттуда всё, что смог, – сказала Нина, тяжело дыша. – Я сразу поехала к нему разбираться, а Елена за мной увязалась.

– Да разве можно было пускать тебя одну? – возмутилась

та.

Нина наклонилась, чтобы вновь взяться за паникадило, и из кармана её юбки вывалился небольшой револьвер.

– Откуда он у тебя? – изумился Жора.

– Это Володин. Ты думаешь, Архип отдал бы моё добро, если бы я пришла к нему с пустыми руками?

Она спрятала револьвер в карман.

– Ну что, потащили? В этом паникадиле пуда три будет, не меньше... Ох, не знаю, как мы заберёмся наверх!

Нина подняла голову и встретила взглядом с Климом.

– Вы приехали ко мне?

– А я его знаю, мы на пароходе познакомились! – воскликнул Жора. – Клим, позвольте представить вам мою сестру Нину и невесту Елену!

Клим поставил короб на землю и снял шляпу.

– Очень приятно.

Он не сводил взгляда с хмурого лица Нины. Если она была сестрой Жоры, значит, её отец был портным? Вот так графиня! Теперь понятно, почему Софья Карловна так отзывалась о своей невестке.

На противоположной стороне реки грохнул взрыв, и в воздух взметнулся водяной столб. Елена и Жора заорали в испуге.

– Ну что вы как дети малые? – проворчала Нина. – Это всего лишь дезертиры. Они с фронта гранаты привезли и глушат ими рыбу.

– И часто они этим занимаются? – спросил Клим.

– У нас постоянно что-то грохочет.

Как и Любочка, Нина настолько привыкла к происходящему, что считала разрывы гранат чем-то обыденным.

Клим взялся за паникадило.

– Давайте я отнесу его наверх. Жора, возьми мой короб.

Паникадило положили в пыльной буфетной, залитой вечерним солнцем. Жора с Еленой побежали на кухню – распорядиться насчёт ужина, и Клим с Ниной остались одни.

– Может, вам всё-таки вернуться в город? – спросил он. – Там безопаснее.

– Сейчас везде одно и то же.

Солнце падало из окна на Нину: лицо её оставалось в тени, а руки и грудь в вырезе платья казались золотисто-розовыми. Немыслимое сочетание: вот эта самая девичья прелесть – и битва за паникадило. Графский титул – и кавалер из Продовольственного комитета... в придачу к папаше-портному.

Нина тоже пристально смотрела на Клима, бездумно вертя на пальце обручальное кольцо, слишком большое по размеру. Оно явно было очень дорогим, скорее всего, фамильным, и не очень-то ей подходило.

– Как вы узнали, что я здесь? – спросила она.

– Софья Карловна хотела, чтобы я забрал ваш завод... – начал Клим, но Нина его тут же перебила:

– Софья Карловна всю жизнь брала деньги с полочки на камине! Она вообще не понимает, откуда что берётся! На что мы будем жить, если вы заберёте завод?

– Она сказала, что господин Фомин...

– Он просто помогает мне, единственный из всех! Он зна-

ет бухгалтерию, понимает в инженерном деле, в станках, в закупках... Если бы не он, мы бы давно по миру пошли!

Нина уронила кольцо, наклонилась за ним, и револьвер снова выпал из её кармана. Присев, она взглянула на Клима снизу вверх.

– Давайте перепишем вексель? Я могу оставить вам в залог что-нибудь ещё – мою библиотеку или мебель. А в марте... нет, лучше в мае... я пришлю вам деньги.

Сердитая, испуганная, готовая воевать и с грабителями, и с кредиторами... Клим уже понял, что у него никогда не хватит духу отобрать у неё последнее.

– Возвращайтесь в Нижний Новгород, и мы перепишем вексель, – сказал он.

– Правда? – Нина просияла. – Только прямо сейчас я не могу ехать в город.

– Почему?

– У меня дела на заводе.

Она выпрямилась – всё ещё с револьвером в руке – и начала торопливо рассказывать о том, что они варят особую пропитку для брезента, и за ней нужен глаз да глаз.

– Может, вы погостите у нас недельку? – смущённо проговорила Нина. – А потом мы вместе поедem в Нижний Новгород и переоформим вексель. Я боюсь отпускать вас к вашим присяжным поверенным.

Клим вздохнул и, не выдержав, рассмеялся.

– Чего не сделаешь под дулом револьвера?

– Он всё равно не заряжен, – отозвалась Нина и поспешно спрятала его в карман.

Клим прогуливал дела, как двоечник уроки. «Неделька» растянулась на две, а потом и на три недели – Нину без конца что-то задерживало на заводе. Но Клим и не думал жаловаться. Любочке и юристам он написал, что гостит в Осинках, а себе говорил, что негоже бросать даму одну, в глуши, среди дезертиров и похитителей паникадил.

Он каждый раз изумлялся, насколько Нина могла быть разной. С Жорой и Еленой она вела себя как старшая сестра – мудрая, справедливая и знающая ответы на все вопросы. С мастерами и поставщиками играла в бойкую, но невезучую барыньку, которую грех обидеть. А если кто смел покуситься на её добро или выказать неуважение, она превращалась в бешеную фурию. Однажды Нина спустила с крыльца пьяного дезертира и пообещала «проломить ему башку», если он ещё раз подойдёт к ней. И всё это – до того, как Клим с Жорой успели что-то предпринять.

С Климом Нина была вежливой и гостеприимной. Принимала подношения – то ёжика в шляпе, то чёрные сливы, то связку окуней, – но всегда отодвигалась, если Клим оказывался слишком близко. То ли она боялась огорчить господина Фомина, то ли до сих пор не могла забыть о погибшем муже. Портреты графа Одинцова висели в каждой комнате барского дома, и Нина то и дело бросала на них грустные

взгляды.

В деревне Нину считали «деловой». Жора рассказал Климу, что после смерти Володи она продала лесопромышленнику дубовый участок под вырубку: тот предложил пять тысяч, и она, не думая, подписала договор. Потом выяснилось, что те дубы стоили никак не меньше тридцати тысяч, и с тех пор Нина торговалась за всё: не уступала даже инокиням, которые покупали у неё смородиновый лист для засолки огурцов.

– Мы с ней быстро учимся, – с гордостью сказал Жора. – Нам ведь не положено ни графского имени, ни образования... А вот поди ж ты: у Нины теперь свой завод, а я окончу гимназию, поступлю на дипломата и женюсь на Елене Багровой. Она ведь тоже не простых кровей, из старинного купеческого рода. Её отец – первый пароходчик на Волге!

Каждое утро они все вместе ходили в деревню: Нина – на завод, Елена – за продуктами, а Клим с Жорой выполняли роль телохранителей.

Из камешков и верёвки Клим сделал «болеадорас», метательное оружие аргентинских скотоводов, и научил Жору бросать его. Тот уже ловко сбивал старые сапоги, поставленные на чурбан, и говорил, что, если на Нину нападут дезертиры, их сапогам тоже не поздоровится.

Клим диву давался, сколько сил и страсти Нина вкладывала в своё маленькое хозяйство. Её завод явно не стоил двадцати семи тысяч. В низком каменном здании стояли два

станка для чесания льна и восемь – для прядения. В другом цеху, в пыли и грохоте, работали солдатки-ткачихи; во флигелях бабы кроили и шили рукавицы и винтовочные ремни. Здесь же ползала голоштанная ребятня.

Нина смотрела на чумазых больных детей, хмурилась и обещала работницам завести ясли. Но для этого нужны были деньги, а откуда их взять?

– Сперва надо сменить натяжной механизм, а то из-за него волокно рвётся, – говорила она Климу, словно оправдываясь.

А как она разговаривала с мастерами о шлихтовальных машинах и варочных котлах! Как со знанием дела спорила о составе пропитки! Клима восхищало в Нине сочетание тонкой женственности, силы воли и деловитости, но он – убей Бог! – не понимал, зачем она так утруждала себя. Почему бы ей не найти приличного мужа, вроде доктора Саблина, и не жить, как Любочка, на всём готовом?

Ох, женщина-филигрань, кружево из металла... Загадочная. Непостижимая. И невозможно любимая.

Возвращаясь с завода, они шли по неведомым тропам и собирали грибы. Земля после дождя слегка пружинила под ногами; в воздухе разливались запахи прели и близкой реки. Так надышишься, что кончик носа холодеет.

Впереди всегда шли Жора с Еленой, следом Нина – в фетровой шляпе и охотничьей куртке. В косе – запутавшаяся ольховая шишечка. Нагнать бы, схватить за плечи и поцеловать...

Нина оглядывалась на Клима.

– Я специально для вас подосиновик на обочине оставила – вы что же, не заметили его?

Какое там!..

Она смеялась:

– Тоже мне грибник!

Приходили домой, измученные не столько ходьбой, сколько терпкостью воздуха и красотой навалившейся осени. Сидели все вместе на залитой солнцем веранде. Нина и Елена чистили грибы – у обеих пальцы были чёрные от грибного сока, – а Жора с Климом нанизывали боровики на тонкие прутики.

Иногда Жора выдумывал какой-нибудь предлог, и они с Еленой убегали «по делам». Хотя доподлинно было известно, что их «дела» – это целоваться в беседке в дальнем кон-

це сада. Клим оставался с Ниной наедине, и это были самые лучшие мгновения.

Он подмечал светло-коричневую родинку на её проборе, узор вен на кисти и топографию её платья – все складки, низменности и холмы.

Нина расспрашивала Клим о его приключениях, но совсем не так, как Любочка и её подруги. Тем дамам хотелось услышать что-нибудь героическое, а Нина задавала иные вопросы: «На что вы жили? Как находили работу? Как учили язык? Что было самым трудным?»

Поначалу Клим отшучивался:

– Самое трудное – это бегать по крышам Тегерана за вором, который украл у тебя единственную рубашку. Если ты его не поймаешь, тебе придётся идти на службу завёрнутым в моельный коврик. Потому что ничего другого у тебя нет.

– Я серьёзно спрашиваю! – говорила Нина.

Однажды Клим всё-таки признался ей, что для него было самым трудным.

– Когда ты живёшь в своей стране – тебя ценят друзья и родственники, весь твой клан. А в чужой стране ты сразу понимаешь, что в тебе никто не нуждается. Если ты иммигрант, надо быть в сто раз расторопнее, чтобы тебя хотя бы заметили.

– Кажется, я с самого рождения была иммигранткой, – улыбнулась Нина. – Хотя за границей была всего один раз: меня Володя возил в Париж на медовый месяц.

«Мне нет дела до твоего покойного графа, о котором ты всё время вспоминаешь, — думал Клим. — И даже председатель Продовольственного комитета меня не смущает. Просто будь рядом».

Острое, невыносимое чувство скоротечности... Ему позволено быть с Ниной завтра, послезавтра, может, ещё немного, а потом всё кончится так, как и должно кончиться.

Клим проснулся рано, но в доме уже никого не было. Он прошёлся по пыльным комнатам, вышел в прихожую и столкнулся с Жорой, одетым по-городскому.

– Ты что, уезжаешь?

– Матвей Львович прислал телеграмму: ему удалось добыть для нас подряд!

Нина вошла в дом; на лице её светилась счастливая улыбка.

– Ну слава Богу! Теперь у нас будут деньги, и я расплачусь с вами.

Она хотела пройти мимо, но Клим – непростительно грубо! – схватил её за руку.

– Нам надо поговорить!

Нина удивлённо взглянула на него, но всё же пошла за ним в бильярдную и встала у стола, накрытого пожелтевшими газетами.

Клим с болезненным содроганием смотрел на её траурное люстриновое платье и гладко причёсанные волосы.

– Нина, поедете со мной в Буэнос-Айрес! – вырвалось у него. – В России – война, дезертиры, дурные воспоминания... Тут вас ничто не держит!

Она непонимающе посмотрела на него.

– Куда я поеду? У меня тут семья, завод...

– Послушайте меня... Пусть Софья Карловна живёт в вашем доме; Жоре дадим денег – пусть окончит гимназию и поступает в университет. Вы не должны продавать себя Фомину!

На Нинином лице выступили красные пятна.

– Что значит «продавать»? Сначала я кажусь вам горничной, потом – продажной женщиной?

– Вы меня не так поняли...

– Всё я правильно поняла!

Климу почувствовал, как у него кровь отливает от сердца.

– Что вас ждёт, если вы вернётесь к Фомину? – глухо произнёс он.

– А что меня ждёт в вашем Буэнос-Айресе? Вы же сами рассказывали, как это страшно – быть всем чужой...

– Я обо всём позабочусь! У меня есть деньги и связи...

– А если мы поссоримся? Куда мне тогда? На панель?

Она повернулась и пошла прочь, на ходу задев газету на бильярдном столе. Заголовок на ней гласил: «Наступление захлебнулось. Наша сторона несёт значительные потери».

– Жора, ты масло не забыл? – спросила Нина. – Я его на кухне на подоконнике оставила.

Голос её звучал спокойно, будто ничего не случилось.

Глава 3. Переворот

1

Любочка плакала над своей хрипящей, задыхающейся любовью. Нет ничего унижительней, чем мечтать о мужчине, которому ты не нужна. Клим предпочёл ей Нину Одинцову, бессовестную самозванку, которую Любочка по наивности считала подругой.

Видя, что с ней происходит, Саблин принёс со службы толстый медицинский справочник, где были описаны симптомы меланхолии и рекомендованы надёжные средства.

Она швырнула книгу в угол.

– Тебе надо было жениться не на мне, а на скелете из анатомички! Хочешь – считай у него рёбра, хочешь – поставь в угол, чтоб не мешался на проходе.

– Ну, душенька, ну будь же справедлива... – начал Саблин, но Любочка не хотела быть справедливой. Её сердце обливалось кровью, а её никто не понимал, да и не хотел понять.

Когда Клим вернулся домой, она сразу почувствовала, что у него что-то не заладилось. Он был бледен, губы поджаты. Вошёл и, ни с кем не здороваясь, сразу поднялся к себе.

Через час к Любочке заглянула кухарка Мариша.

– Молодой барин велел продать вещи, оставшиеся от папеньки. «Созови, – говорит, – соседок и за ценой особо не гонись. Уезжаю от вас; всё, нагостился».

Любочка схватилась за сердце. Всё было ясно: Нина отказала аргентинскому поклоннику. Боже, какая дура!

Весь вечер Любочка бродила по дому потерянная, стараясь изобрести способ, как удержать Клим. Но что она могла сделать? У неё не было никакой власти над ним.

За ужином Клим предложил Саблину либо долгосрочную аренду дома, либо постепенный выкуп, чем совершенно выбил доктора из колеи.

– Он не требует даже процентов! – повторял Саблин, укладываясь спать. – Подумать только, у нас будет собственный дом! Но мне стыдно: мы ведь наживаемся за счёт твоего родственника.

Он искоса взглянул на лежащую рядом Любочку.

– По-моему, Клим выглядит нездорово. Я намекнул, что с удовольствием порекомендую ему нужного специалиста, но он, как и ты, ужасно боится докторов.

Его деликатностью и прозорливостью можно было восхищаться.

Отца Любочки звали Антон Эмильевич Шустер. Худой, с узким серьёзным лицом и седой бородкой, он был большим любителем литературы и антиквариата и жил в каменном тереме, уцелевшем со времён Козьмы Минина.

Любочке нравилось приходить к отцу, это был их обычай: раз в неделю, по субботам, устраивать обед на двоих. Но на этот раз стол был накрыт на три персоны.

– Ты кого-то ждёшь? – спросила Любочка, расправляя на коленях салфетку.

Антон Эмильевич хитро взглянул на часы.

– Сейчас-сейчас!

Любочка заметила, что среди милого отцовского хлама появились вещи Роговых – включая старый американский сейф, в котором некогда хранились документы о наследстве. Антон Эмильевич забрал у племянника, до чего не успели дотянуться ушлые соседи.

Клим купил билет до Москвы, и Любочка в растерянности ждала рокового часа. Ей-то что делать, когда он уедет? Ведь она уже не сможет жить как раньше, в пустоте и бессмысленности.

В прихожей загремели медные колокольчики.

– Это наш гость! – Антон Эмильевич вскочил и через минуту ввёл в столовую... усатого солдата. – Встречай, милая,

Осипа Другова! Как вас по батюшке?

– Петрович, – пробасил солдат.

Любочка осторожно протянула ему ладонь, и тот крепко стиснул её крупной, шершавой рукой.

– Рад знакомству.

Осип был высок и широк в плечах. У него было очень полнокровное лицо и синие глаза с желтоватыми белками в красных прожилках. Когда он тянулся за хлебом, на его буйной от загара шее расправлялись не тронутые солнцем светлые морщины.

– Товарищ Другов – в своём роде герой, – произнёс Антон Эмильевич. – Он был одним из зачинщиков бунта в шестьдесят втором полку. Вылечившихся после ранений солдат насильно сажали на поезда, чтобы отправить на фронт, а Осип Петрович с коллегами отбил их у конвоя.

Отец старался говорить с иронией, но Любочке слышались в его голосе непривычные заискивающие нотки. Он *ухаживал* за Осипом.

– Вы кушайте, пожалуйста, не стесняйтесь! Чудесная форель, только сегодня привезли с Мызы.

Но Осип не замечал его усилий и обращал внимание скорее на Любочку, чем на хозяина дома.

– Несправедливо это – гнать нас на бойню, когда в тылах отсиживаются те, за кого папенька с маменькой заплатили. Я сразу в газету пошёл, в «Нижегородский листок», – чтобы врагов трудового народа как следует пропесочили. А там

ваш батя ответственным секретарём работает, вот мы и познакомились.

Любочка сидела, вжавшись в спинку стула, всем телом чувствуя взволнованное напряжение отца и спокойный, уверенный напор гостя, который не был ни развязным, ни наглым, а просто ощущал себя вправе делать и говорить то, что хочет.

– Папа взял у вас интервью? – спросила она, натуженно улыбаясь.

Осип кивнул.

– Я ему: так и так, кровь за вас проливал, имею два ранения и контузию. Давайте помогайте! А не будете писать о народных нуждах – мы вас реквизируем.

Антон Эмильевич захохотал.

– Я, конечно, изумился: «Да вы кто такой?» А он мне: «Российский большевик!»

Любочка всё поняла. Её отец имел чутье на важные события. В последнее время он постоянно намекал на то, что он, Любочка и все их знакомые живут как золотые рыбки в стеклянном шаре: видят всё в искажённом свете, да и не особо задумываются, что происходит за пределами их аквариума. А между тем стекло уже дало трещину.

Антон Эмильевич хотел знать, что творится в казармах и заводских цехах, – именно поэтому он пригласил к себе большевика, члена левой партеечки, вокруг которой объединились дезертиры и левацки настроенная молодёжь. Они за-

сели в столичном Совете рабочих и солдатских депутатов и в открытую призывали к государственному перевороту.

Осип Другов говорил такое, что волосы становились дыбом:

– Да, мы не желаем победы России в войне, потому что такая война должна быть проиграна. Но это будет не наше поражение, а Временного правительства. Буржуазия заставила нас убивать братьев-рабочих из Германии и Австро-Венгрии. Вы вдумайтесь: сколько людей побито! И ради чего? Нет уж, коль скоро мы получили оружие, мы обратим его против нашего настоящего врага: помещика, фабриканта и прочих угнетателей трудового народа. Власть будет принадлежать людям труда, а дармоедов мы уничтожим – факт, а не реклама!

– Как же вы их будете отличать? – вежливо поинтересовался Антон Эмильевич.

– Да очень просто! Кто пользу приносит, тот пусть живёт. А кто дармояд – того на фонарный столб. Вот у вас, Антон Эмильевич, профессия очень полезная...

– Погодите! – перебила Любочка. – Так это, значит, меня – на фонарный столб? Я как раз и есть дармояд.

Осип ничуть не смутился.

– Это потому что буржуазия загнала вас в такие рамки. К нам большевичка одна приходила, рассказывала про женский вопрос. Вы подумайте, какую пользу рабочему классу могли бы приносить бабы, если бы им разрешили трудиться

наравне с мужчинами! Чем бы вам, Любовь Антоновна, хотелось заняться?

Любочка обвела взглядом комнату и обеденный стол.

– Ну, скажем, открыть ресторан...

– Это никак не получится, потому что частную собственность мы запретим. А вот толковые люди в общественном питании нам потребуются.

Стали прощаться.

– Вы приходите к нам ещё, – пригласил Антон Эмильевич. – У Любочки скоро день рождения.

Осип повернулся к ней и посмотрел так пронзительно, с открытым самцовым интересом, что у неё ослабели колени.

– Что вам подарить? – спросил он.

– А что может подарить большевик?

– Всё. Весь мир.

– Ну тогда подарите.

– Будет сделано.

Матвей Львович Фомин, председатель Продовольственного комитета, сидел за столиком в «Восточном базаре» и смотрел на танцующие пары – весь сопревший, с горлом, стиснутым воротничком, с плечами, отдавленными заботами.

Он нарочно позвал Нину не к себе, а в ресторан – чтобы вокруг были люди и чтобы они не дали ему совершить то, чего так хотелось.

Нина влетела в полупустой зал, вся покрасневшая от волнения. Бросила мокрый зонтик на стул и, сев напротив Матвея Львовича, принялась расспрашивать о подробностях: с кем он встречался в Петрограде и что ей теперь надлежит делать.

Эта девочка была на редкость смекалистой, бойкой и самонадеянной и совершенно не походила на краснощёких дочек Фомина – хотя была их ровесницей. Впрочем, какими они стали, он не знал: с начала войны его семейство обитало в нейтральной Швейцарии, от греха подальше.

Матвей Львович старался быть спокойным и трезвомыслящим. Он пересказывал свои новости; Нина ахала, морщила нос и по-девчоночьи прикусывала нижнюю губу, не позволяя себе улыбаться и хохотать от восторга.

Угроздило же познакомиться с ней и так расшибить

сердце! Впрочем, винить было некого: Матвей Львович сам вторгся в её жизнь – немолодой, здоровый, с брюхом, выпиравшим из-под ремня... Но что он мог поделывать, если видел, как она погибала – задавленная своим горем и затравленная свекровью? У неё ведь никого не осталось, кроме младшего брата.

Матвей Львович не питал иллюзий: Нина считала его всего лишь благодетелем. Внимательно слушала, когда он давал ей советы, была благодарна за каждую мелочь и каждый раз старалась расплатиться за *доброту*. В рабочем кабинете Фомина уже накопился целый склад её подарков: крошечные банки с вареньем, тёплые варежки на зиму...

Нина могла бы не благодарить его – разве бы он посмел настаивать? А тут пастушье бесхитростное благородство: «Ты – мне, я – тебе. Не хочешь варенья – ну что ж... у меня больше ничего нет, кроме меня самой».

Матвей Львович знал, что у них нет будущего и конец этой истории может быть только трагичным.

Нина достала из сумки тетрадь и принялась что-то высчитывать в столбик.

– Вы думаете, курс рубля продержится до зимы? – спросила она, поднимая взгляд. И тут до неё дошло, что Матвей Львович сидит перед ней, весь белый от еле сдерживаемой ярости.

– Что с вами?

Стены шатались вокруг Матвея Львовича, глаза застилала

мутная пелена. Застрелиться тут же, перед ней? Задушить её и потом застрелиться?

– Софья Карловна мне обо всём доложила, – бесцветно выговорил он. – Пока я был в отъезде, занимаясь *вашими* делами, вы закрутили роман с прокурорским наследником.

Нина бросила карандаш на стол, и он, покотившись, упал ей на колени.

– Вы что, не понимаете, что Софья Карловна хочет нас посорить? Она же сама прислала ко мне Рогова.

– Он жил у вас три недели!

– А что вы хотели? Я ему должна двадцать семь тысяч. Мне надо было как-то договориться с ним!

На них начали оглядываться, но Матвею Львовичу уже было всё равно. Как Нина могла «договориться» с Роговым? Точно так же, как и с ним?

– Можно я расскажу вам всё как есть? – спросила Нина и тут же принялась описывать подробности: как они ходили на завод и по грибы и как она отказалась ехать с Роговым в Аргентину.

– Если не верите, можете спросить Жору и Елену, – с вызовом произнесла Нина. – Всё происходило у них перед глазами.

Матвей Львович разом обессилел. Он чувствовал, как у него дрожит челюсть, а по виску ползёт холодная капля пота.

– Почему же вы отказались ехать в Буэнос-Айрес?

Нина раскрыла тетрадь на середине и развернула её к

Матвею Львовичу.

– Вот моя бухгалтерия. У меня ещё нет государственного подряда, а я уже поставила завод на ноги. – Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. – Я засадила своих работников шить мешки. Это именно то, что нужно спекулянтам, которые возят муку из хлебных губерний.

Матвей Львович усмехнулся.

– Вы ненормальная, право слово... Рогов предложил вам пляжи и пальмы, а вы выбрали мешки.

– Мне не надо чужого, – тихо отозвалась Нина. – Мне дорого *моё* – то, что я сама заработала и что у меня никто не отнимет.

Церковь была полна народа. На окладах и ризах сияли отсветы свечей, и голоса певчих возносили к куполу «Господи, воззвах».

Нина крестилась вместе со всеми, но смысла службы не понимала и лишь смотрела по сторонам на встревоженные, сосредоточенные лица. У стены на коленях стояла молодая женщина в чёрной кружевной накидке на волосах. Старик пытался зажечь свечу перед иконой, но не мог совладать с трясущимися руками. Толстая купчиха окунала палец в лампаду и мазала веки себе и маленькому сыну.

Нина получила то, о чём мечтала: Клим переоформил вексель, бумаги о казённом подряде были подписаны, и на её банковский счёт пришли первые деньги. И всё же её не покидало чувство, будто почва уходит у неё из-под ног.

Раньше Нина твёрдо знала, что ей нужно, и упорно шла к своей цели: наладить производство в Осинках, расплатиться с долгами и навсегда избавиться от позорной бедности, в которой прошло её детство. Нинин отец хоть и был хорошим мастером и за иное платье брал по тридцать рублей, но в его карманах ничего не задерживалось. Он спускал все деньги за картами и в кабаках, а потом мама бегала по знакомым и искала, у кого занять несколько копеек, чтобы накормить детей.

Если бы Володя не вытащил Нину из этой ямы, она бы повторила мамину судьбу, и ей было невыносимо стыдно при мысли, что она может променять его на другого мужчину. Матвей Львович был не в счёт, а вот после встречи с Климом образ Володи вдруг потерял всякую ценность – как билет на вчерашний спектакль. Нина с суеверным ужасом думала, что ей придётся за это «ответить»: ведь она и так получила от судьбы гораздо больше, чем полагалось.

Ох, лучше бы Клим вовсе не приезжал! Он принял её за горничную, тут же разглядев, что она принадлежит к низшему сословию. А она сразу увидела в нём «грабителя» – человека, способного украсть... пусть не деньги, но её сердце.

Он позвал её в Аргентину? Но разве она могла бросить завод, в который было вложено столько труда? Разве бы она оставила брата? Взять его с собой было невозможно: он бы не поехал без Елены. А её родители ни за что бы не отпустили её в чужую страну, невесть с кем.

Если бы только Клим мог остаться в Нижнем Новгороде! Но чем бы он тут занялся? Устроился в газету к своему дяде – освещать обеды у митрополита? Превратился в богатого бездельника?

Да и как бы Нина ушла от Матвея Львовича? Он ей прямо сказал, что пристрелит Клима, если тот «позволит себе вольности».

Нина не достояла службы и вышла из церкви.

Смеркалось. Погода была дрянная – накрапывал мелкий дождь и дул ветер. Откуда-то вынырнул мальчишка с пачкой газет.

– Последние телеграммы! Временное правительство низложено!

Нина остановилась. Только этого не хватало!

Вокруг газетчика тут же собралась толпа. Люди совали ему деньги и выхватывали вкривь и вкось напечатанные листки.

– Что пишут? Опять война? С кем?

– В Петрограде новая революция... Власть захватили большевики.

Нине газеты не хватило. Встревоженная, она оглянулась, ища других мальчишек. Из церкви повалил народ – кто-то уже пустил слух о падении правительства.

Нина увидела солдата с газетой.

– А... дьявол, ничего непонятно! – зло проговорил он. – Барыня, ты грамотная? Прочитай, чего пишут.

Нина взяла у него грязный листок, и её пальцы тут же окрасились типографской краской.

– К гражданам России! – громко начала она.

К ней придвинулись люди: слушали жадно, боясь пропу-

СТИТЬ ХОТЬ СЛОВО.

– Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета. Дело, за которое боролся народ, – немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, – это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Дальше шли телеграммы, из которых было ясно, что в Петрограде беспорядки, а в Москве стреляют.

– Большевики никогда не делали тайны из своих намерений, – сказал господин в каракулевой шапке. – Обещали взять власть, вот и взяли. Теперь будет резня.

Толпа начала расходиться. Нина не знала, что и думать: отмена собственности на землю, рабочий контроль... А вдруг завод в Осинках отнимут? Ох, надо бежать в кремль к Матвею Львовичу, он наверняка знает подробности!

Она торопливо пошла вниз по Покровке. Отсветы фонарей сияли в жидкой грязи на мостовой и отражались смазанными кругами в пыльных витринах.

– Нина Васильевна, постойте!

Она оглянулась. Это был Клим – в элегантном сером пальто, в шляпе и замшевых перчатках.

– Вы слышали о перевороте? – спросила Нина.

Она пересказала ему манифест большевиков.

– Как вы думаете, это серьёзно?

– Понятия не имею, – пожал плечами Клим. – Вы куда-то спешите? Я провожу вас. У меня сегодня ночью поезд; я раздобыл себе целое купе, так что поеду до Москвы барином. Мои вещи уже на вокзале.

Он помолчал, грустно усмехаясь своим мыслям.

– Жора мне сказал, что вы будете в Покровской церкви. Я хотел встретиться с вами перед отъездом и совершить, так сказать, *гаучаду*.

– Что? – не поняла Нина.

– В Аргентине так называют поступок, достойный настоящего гаучо. Это обыкновенные скотоводы, но считается, что они очень благородны и имеют особый талант к подвигам. Собственно, вот... – Клим достал из внутреннего кармана белый конверт и протянул его Нине.

Она с удивлением взглянула на него.

– Что это?

– Вексель. Надо же оставить вам что-то на память.

Нина растерялась.

– Вы дарите мне завод? Вам не нужны деньги?

– Больше одной шляпы не наденешь. У меня хватит средств, чтобы покататься по миру в течение ближайших десяти лет. А потом я вернусь за вами. Может, к тому времени вы смените гнев на милость.

Он смотрел на неё, улыбаясь.

– Конечно, хотелось бы прибить к вам на ворота памятную табличку с профилем героя, но Матвей Львович наверняка

будет против. Ладно, настоящие гаучо не требуют награды.

Нина взяла конверт и спрятала его в муфту.

– Спасибо.

До самой Благовещенской шли молча – Нина не знала, что сказать. Отвергнутые мужчины мстят, обижаются, но не проявляют царского великодушия...

Мимо проносились грузовики и маршировали солдаты. Баба, сидевшая на корчаге, вопила на всю площадь:

– Вот кому требухи – жареной, пареной, в масле валянной! – Ветер поднимал концы её клетчатого платка выше головы.

В кремле было темно и тихо, только окна губернаторского дворца горели ярким электрическим светом. На решётке у арсенала было натянуто красное полотнище: «Вся власть рабочим, солдатам и крестьянам!»

Нина поднялась на крыльцо.

– Ну, прощайте... – Голос её дрогнул. Она говорила не то, что нужно. Слова не соответствовали ни подарку, который только что сделал Клим, ни тому, что они сейчас распрощаются навсегда.

Мелкие капли дождя чуть поблёскивали в ворсинках на пальто Клим. Он был гладко выбрит и пах одеколоном. Он не принадлежал этой измученной стране, ему надо было быть на другом конце земли, там, где сейчас весна и цветут сиреневые жакаранды.

Клим снял шляпу и поцеловал руку Нины.

– Прощайте.

В губернаторском дворце никого не было. Нина медленно прошла по вестибюлю и открыла дверь в коридор, залепленный отпечатками грязных подошв. Воздух ощутимо пах гарью.

«Неужели мы больше никогда не встретимся?» Сама мысль об этом казалась Нине дикой. Пусть у них с Климом не могло быть совместного будущего, но ведь нельзя отпускать его просто так! Это какое-то издевательство над собой, над ним и над здравым смыслом!

Нина развернулась и побежала назад – «Я верну его!» – и, как на каменную стену, наткнулась на Матвея Львовича.

– Следуйте за мной! – Голос у него был как у тюремного конвоира.

Схватив Нину за руку, он чуть ли не силой притащил её в кабинет, где по всему полу был разбросан бумажный пепел. Чернильный прибор на столе был опрокинут; перья, ручки и карандаши сметены в сторону.

– Слушайте меня внимательно! – произнёс Матвей Львович, приблизив к лицу Нины страшные глаза. – В Петрограде скопились десятки тысяч дезертиров, ни черта не делающих, живущих за счёт спекуляции и грабежей. Временное правительство попыталось отправить их на фронт, и они взбунтовались.

Матвей Львович взял Нину за плечи.

– Мы должны уехать, причём немедленно! Страной будут править вооружённые банды.

– А как же большевики? Ведь это они захватили власть...

– Кто эти большевики, скажите мне? Кучка эмигрантов и политкаторжан, которые случайно оказались на гребне стихийного бунта. Большевиков поддерживают как раз дезертиры, которым они обещали немедленный мир с немцами. А теперь задумайтесь, кто и как будет кормить наших «серых героев». Только в Нижнем Новгороде расквартировано три пехотных полка – это фронтовики, за три года совершенно отвыкшие от труда, озверевшие от крови крестьянские парни. И уж поверьте мне, они не постесняются разграбить ваш дом, как был разграблен Зимний дворец.

– Бог мой!.. – ахнула Нина.

– Они ворвались в Зимний, всё, что смогли, перебили, вскрыли винные погреба, и сейчас в Петрограде третий день идёт попойка.

– Но, может, до нас не дойдёт?

– Не будьте душой! У меня есть точные сведения, что сегодня большевики попытаются взять нижегородский кремль.

Нина отступила от него.

– Я не поеду с вами...

– А с кем вы поедете? С господином из Аргентины, которого я только что встретил на улице?

Зазвонил телефон, и Матвей Львович схватил трубку.

– Да... Да... Арестован? Хорошо, сейчас буду. – Он прикрыл веки, выругался и повернулся к Нине: – Ждите меня здесь.

– Я вам уже сказала: я никуда не еду!

Нина кинулась к дверям, но он так рванул её за руку, что она чуть не упала.

– Сидеть здесь, я сказал!

Матвей Львович вышел из кабинета, и в то же мгновение в коридоре послышался стук сапог и матерная брань. Грохнул выстрел.

Нина в испуге отпрянула. «О, Господи... Господи...»

Она бросилась к окну, раздвинула шторы и принялась трясти зимнюю раму. Посыпалась замазка; наконец рама поддалась, и в лицо пахнуло влажным ветром.

Сев на подоконник, Нина перекинула ноги наружу. Мелкие капли дождя неслись в столбе света, падающего из окна.

– Осторожно, тут битое стекло, – раздался голос Клима.

Ни о чём не спрашивая, он помог Нине спрыгнуть на землю.

– Бежим!

Они неслись, взявшись за руки, разбрызгивая лужи, куда-то в темноту, в ночную революцию, в сходящий с ума город. Прятались в тени кремлёвской стены, пережидая, пока мимо пройдёт красногвардейский отряд. Один из солдат зажёл спичку, чтобы прикурить, и пламя озарило его страшное бородатое лицо и грани винтовочных штыков.

Стук сапог, скрип колёсиков пулемёта, подпрыгивающих на каменной мостовой...

Наконец Нина и Клим выбрались на Благовещенскую площадь, где между соборами шныряли сутулые люди с поднятыми воротниками.

– Куда теперь? – растерянно спросила Нина.

– Ко мне, – отозвался Клим. – На случай, если Фомин вздумает вас искать.

– А как же ваш поезд?

– Да чёрт с ним!

Их трижды останавливал патруль: какие-то типы с пулемётными лентами поверх ватников требовали документы, но всякий раз пятирублёвая купюра оказывалась нужнее пропусков.

Клим всю дорогу держал Нину за руку. Его сердце оглушительно билось, мысли метались. Московский поезд, верно, уже ушёл, вместе со всеми вещами, но это не имело значения. Происходило то, что должно было случиться давным-давно, то, чего он ждал столько времени – может, всю жизнь.

– Почему вы вернулись за мной? – тихо спросила Нина.

– Услышал, как стреляли.

На Мироносицкой и Ильинке было отключено электричество. Дома стояли тёмные, будто заброшенные; кругом ни души.

Поднявшись на крыльцо, Клим открыл входную дверь и повёл Нину в свою комнату. Там было пусто: остались только кровать, икона с мерцающей лампадкой и портрет Николая II, который никто из соседей не захотел купить.

Они скинули пальто на кровать и сели на пол, прислонившись спинами к жаркому печному боку.

– Печка – лучшее изобретение на свете, – сказала Нина, стягивая промокшие чулки.

Клим кивнул. Невероятно: Нина сидела в его комнате. Напряжение в каждом суставе, в мышцах, в глазах...

Она дотянулась до муфты, упавшей на пол, и достала конверт с векселем.

– Я не возьму его.

– Почему?

– Не хочу, чтобы ты думал, что я тебя использую.

Первый раз назвала на «ты»...

– А что ещё со мной делать? Использовать, конечно. – Клим кинул вексель в печь.

Нина придвинулась и положила голову ему на грудь.

– У тебя так сердце грохочет...

– Неудивительно.

Обнять, целовать ямочку на затылке, висок, уголки губ. Проваливаться в свои легендарные сны, с восторгом узнавать их – и тут же терять ход мысли, ход времени. «Ниночка, Ниночка...» – выдыхать с усилием.

Она вдруг встала. Закинула руки за голову и, вынув одну за другой шпильки, сунула их в карман. Потом распустила крючки на платье и спустила его на пол.

Села на кровать – совсем иная в белой рубашке и панталонах.

– Иди ко мне.

Развязала Климу галстук, расстегнула пуговицы на жилете.

Скрип половиц в коридоре заставил их вздрогнуть. В ще-

ли под дверью мелькнул отблеск свечи.

– От-т ссыльнокаторжный... – ворчала Мариша. – Лампочку-то, поди, не выключил: счёт набежит – не рассчитаешься. – Она подёргала запертую на задвижку дверь. – Ба, так ты не уехал, что ли?

– Я сплю, – подал голос Клим.

– Как же это? Поезд отменили?

– Мариша, я сплю!!!

– Ну ладно, ладно... Завтра расскажешь. – Маришины вздохи и шарканье туфель затихли в глубине дома.

Нина – ещё более разгорячённая от того, что их могли застать, – стянула рубашку через голову. Взглянула победно, откинув кудри с высоко вздымавшейся груди, и потянула завязки на тонких узорчатых панталонах.

Дали электричество, и в ванной загорелся свет. Мариша была права: Клим действительно не повернул выключатель.

Нина, вытянувшись, лежала на спине: глаза закрыты, пальцы стиснули край простыни. Клим ткнулся лбом ей в плечо.

– Тебе попить принести?

Она чуть заметно покачала головой.

Шатаясь, Клим направился в ванную. Открыл кран, глотнул с ладони ледяной воды, посмотрел на себя в зеркало. В собственное счастье было трудно поверить.

Глава 4. Всемирный потоп

1

EL CUADERNO NEGRO

Чёрная записная книжка

Чернил нет, остатки конфисковал представитель квартирного комитета – ходил по домам и плакался: им надо справки выписывать, а нечем. Я не посмел отказать, так как комитетчик обещал саботажникам страшную кару, а именно запрет на чистку выгребной ямы.

Буду писать карандашом.

В России началась всеобщая забастовка – с требованием, чтобы большевики немедленно передали власть законно избранному Учредительному собранию. Но те оттягивают его созыв: они набрали на выборах только двадцать четыре процента голосов. Не работает ничего, кроме увеселительных заведений и рынков. Жалованье не выдаётся, и на что люди живут – непонятно. Все проедают то, что осталось по карма-

нам, в том числе и новоявленная власть.

Некоторое время большевики ждали, что в других странах тоже вспыхнет революция, капитализм исчезнет сам собой и нужда в деньгах отпадёт. Не знаю, что происходит за границей, но у нас вспыхнул только склад медицинского спирта, осаждённый «верными сынами трудового народа». Дивное зрелище эти сыны: в расхристанных шинелях, в одной руке маузер, в другой – чайник с пойлом.

Когда весь спирт был выпит, а мука из разгромленных провиантских складов съедена, большевики направились по банкам и вскрыли сейфы. Официально – для того чтобы проверить, у кого трудовые, а у кого нетрудовые доходы. Неофициально это был обыкновенный налёт в духе Дикого Запада. Так что, если мои деньги не успели уйти в Аргентину, от них ничего не осталось – они пошли на нужды революции.

Все крайне удивились, узнав, что я остался в Нижнем Новгороде с Ниной.

– С ума сошёл! – сказала мне Любочка. – Ведь ты мог успеть на последний поезд!

Ничего бы не поменялось: я бы застрял если не здесь, так в Москве. Только там ситуация ещё хуже: большевики стреляли по городу из орудий.

Впрочем, никуда бы я не поехал без Нины. Как ни странно это звучит, я здесь счастлив. Всё вышесказанное проходит мимо сердца: я иностранец тут не потому, что у меня аргентинский паспорт, а потому, что я несколько не интересуюсь

борьбой за светлое будущее.

У меня уже есть светлое настоящее. Я брожу с Ниной по белым улицам: сугробы выше меня, на берёзах – парадная форма. Нина читает мне стихи Блока, а я пою ей кабацкие песенки на испанском, нещадно перевирая слова и мотив.

Мы смотрим революцию, как фильм в синематографе, и радуемся тому, что Матвей Львович бесследно исчез. Нас куда больше пугает Софья Карловна, чем Военно-революционный штаб: ведь старая графиня может сделать нам *замечание*! Один раз она застала нас за неприличным занятием: мы сидели у печки в обнимку, – и это повергло бедную женщину в ужас. Она вдруг осознала, что я представляю для неё ещё худшую угрозу, чем Фомин: я ведь могу увезти Нину в Буэнос-Айрес, и кто будет содержать старушку?

Впрочем, Нина пока сопротивляется этой идее. Ей кажется, что если она останется в России, то сможет уберечь свой завод от конфискации. Ведь не может же советская власть отобрать всё у всех?

Я думаю, что может, и поэтому настаиваю на своём: пару лет нам надо пожить за границей, а там видно будет. Планы пока такие: дождёмся прекращения железнодорожной забастовки и поедem в Петроград за визами в Аргентину. Жору берём с собой, но ему пока об этом не говорим, чтобы не пугать предстоящей разлукой с Еленой.

Запись, сделанная чуть позже

Всё это, конечно, бравада, попытка скрыть вполне оправданный страх перед Всемирным потопом, когда у тебя нет ни ковчега, ни приятельских отношений с Богом.

Бедность – это когда у тебя мало денег. Нищета – это когда их совсем нет. И еды в доме нет.

Нина искала забытую мелочь по карманам шуб и пальто, по сумочкам и муфтам; потом начала перебирать библиотеку – раньше она использовала мелкие купюры вместо закладок.

Гимназия была закрыта, и Жора помогал Нине перетряхивать книги. Он забирался по приставной лестнице под самый потолок, листал тяжёлые тома, чихал от пыли и то и дело насвистывал «Варшавянку», революционную песню, которая приставала как зараза:

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами...

– А... да провались эта дурацкая песня!

Чтобы купить провизии, Нина отнесла в комиссионный магазин Володиные золотые часы, но все в доме понимали, что это не выход: вырученных денег хватит недели на две. И что тогда?

– Надо управляющему в Осинках сказать, пусть присылает нам еду, – сказал Жора, разглядывая книгу «Колобок, Курочка-Ряба и другие сказки».

Но ни телеграф, ни почта не работали. Мир стремительно сужался: никто не ходил в гости – нечем было угощать; «лишние» комнаты запирались – нечем топить. Люди жили островками, стойбищами – как будто от одного дома до другого были вёрсты обледенелой тундры.

В дверях появилась Софья Карловна – бледная, с мятой листовкой в руке.

– Большевики выпустили новый декрет!

Нина пробежалась глазами по тексту: «Владельцам винных погребов надлежит немедленно сдать имеющуюся у них спиртосодержащую продукцию в собственность советских органов». Ниже говорилось о том, что Военно-революционный штаб не позволит буржуазии тайком торговать вином и спаивать население. Ослушникам грозил немедленный арест.

– К нам это не имеет отношения, – пожала плечами Нина, но графиня её перебила:

– У нас в подвале целый склад вина! В четырнадцатом году, когда вышел указ о запрете на спиртное, я велела замуравать наш винный погреб.

Нина перевела взгляд на брата.

– Беги быстрее за Климом! Кажется, мы неплохо проведём эту зиму.

Софья Карловна схватилась за сердце.

– Что вы задумали?

– Алкоголь – это единственная твёрдая валюта в стране, –

отозвалась Нина. – Представляете, сколько еды мы сможем выменять на одну бутылку шампанского?

– Вас посадят!

– Пусть сначала поймают.

Провожая брата, Нина перекрестила его. Каждый раз, когда они выходили на улицу, у неё было чувство, будто они спускаются в шахту, где в любой момент может случиться обвал или взрыв газа. По городу бродили шайки красногвардейцев, которые считали, что приставать к прохожим – это и есть классовая борьба. Жаловаться на хулиганов было бесполезно – власть всегда была на их стороне.

Софья Карловна всё ещё стояла в библиотеке у занесённого снегом окна.

– Ваш прежний кавалер, господин Фомин, превратил вас в торговку, – произнесла она, не поворачивая головы. – Я думала, что это самое страшное, что может произойти, но я ошибалась. Вы связались с Роговым и уже готовы стать преступницей. Я должна вам кое-что рассказать о нём. Думаете, от чего умерла его мать? От аборта. Она связалась с гвардейским поручиком, забеременела и попыталась скрыть это от мужа. Надеюсь, вы понимаете, как это сказалось на нравственности её сына?

Нина до боли сцепила руки. «Софья Карловна – мать Володи, – напомнила она себе. – А ему я обязана всем, что у меня есть».

– Что вы нашли в этом Рогове? – печально спросила гра-

финя.

– Вы меня не любите за то, кто я есть, а он любит, – отозвалась Нина.

С улицы слышался шорох, и изморозь на внутреннем стекле вспыхнула. Перед тем как войти в дом, Клим всегда «откапывал солнце» для Нины.

Она бросилась в прихожую, вся трепеща от радости. Клим и Жора вошли – покрасневшиеся, пахнущие морозом, – и Нина тут же повела их в подвал.

Клим оглядел покрытую инеем кирпичную кладку.

– Когда-то я работал у археологов в пустыне, там мы искали битые горшки и древние скелеты. Искать вино гораздо интересней.

Нина раздобыла у дворника пару кувалд, и Клим с Жорой принялись ломать стену. Грохот стоял такой, что казалось, рушится всё здание. Наконец кирпичи повалились на цементный пол.

На запylённых стеллажах стояли ряды бутылок. Огонёк фонаря множился на матово поблёскивающих стеклянных боках.

– Вот это да! – присвистнул Жора.

Дрожа от холода и нетерпения, Нина читала этикетки: шампанское от Moët & Chandon, от G. H. Mumm, от Louis Roederer...

Клим обнял Нину.

– Софья Карловна говорит, что мы преступники, – сказала

она.

– Ты ещё не слышала, что о нас говорит Любочка! – рассмеялся он. – Она считает нас дураками, которые проворовали папенькино наследство.

– А ты и вправду ни о чём не жалеешь?

– Жалею. Мне надо было приехать намного раньше и не отдавать тебя никаким графьям.

Вечером Клим и Жора вернулись с двумя корзинами добычи. Нина не верила своим глазам: копчёная колбаса, апельсины, шоколад...

Софья Карловна долго ворчала, что это возмутительно – устраивать пиршество, когда многие люди по-настоящему голодают, – но Клим соблазнил её рюмочкой ликёра.

– Я помню эту бутылку! – воскликнула старая графиня. – Настоящий монастырский бенедиктин, я привезла его из Нормандии. Видите, на этикетке «D.O.M.»? Это значит «Deo Optimo Maximo» – «Господу, благому и великому». Такой напиток на коленях надо пить, а вы его стаканами лакаете!

Но вскоре и она порозовела и раздобрилась.

– Пейте, милая, – говорила она, подливая Нине красного вина. – Бургундское, конечно, полагается пить с сыром «Эпуас», но что ж делать, если его нет? Пейте, потому что вам больше никогда не доведётся попробовать вино, которое так любили д'Артаньян с Арамисом.

Глава 5. Вторжение

1

Доктор Саблин не участвовал в забастовке. Каждый день он шёл в Мартыновскую больницу, надевал халат и – когда при электричестве, когда при свете керосинок – делал операции.

Октябрьский переворот совершенно выбил его из колеи. Всё, что раньше считалось правильным, оказалось контрреволюционным: быть богатым – плохо, защищать страну – глупо, грабить – полезно для блага народа. Врагов государства вычисляли по фетровым шляпам и чистым ногтям.

– Советская городская управа проелась, – как-то сказал ему Антон Эмильевич. – Казна пуста, а на все запросы Петроград отвечает, что надо изыскивать средства на местах. Скоро начнутся конфискации.

– Откуда вы знаете? – изумился Саблин.

Антон Эмильевич показал ему отпечатанное на машинке постановление о необходимости изъять собственность у буржуев.

– Вот, прислали нам в редакцию и велели опубликовать.

Что делать? Как ко всему этому относиться? Душа вопиет, протестует, но ведь русский народ принял большевиков. Или

это только кажется, что принял?

Учредительное собрание разогнали. Оппозиционные забастовки и демонстрации были полностью запрещены. На своих митингах большевики кричали о полном равенстве и общественной собственности на средства производства: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!» Ведь это законы первобытного племени!

Самое удивительное – вместо того чтобы протестовать, город молился: в праздник Сретения Господня крестный ход шёл от кафедрального собора до Новобазарной площади. Саблин, сняв шапку, в оцепенении смотрел на дышащую паром двухвёрстную толпу. Хоругви колыхались, снег визжал под тысячами ног. Пленные австрийцы – ещё более жалкие, чем всегда, – подходили и просили хлеба:

– Христоратти... Христоратти...

По всем церквам шли молебны об умирении страстей, и тут же анафема «творящим беззакония и гонителям веры и Церкви Православной»: большевики объявили религию опиумом для народа.

Международные новости Саблин узнавал от Любочки: немцы требовали от России значительных территориальных уступок и контрибуцию, а в противном случае обещали наступление. Но в Кремле посчитали это пустыми угрозами, и нарком по иностранным делам Лев Троцкий приказал армию распустить, мира не подписывать и ждать, пока германский пролетариат скинет жадного кайзера.

– Будет оккупация... – повторял Саблин и пытался предугадать, что в таком случае надлежит делать честному человеку.

Саблин поднялся на крыльцо и отряхнул валенки от снега. Дверь ему открыл Клим – он тоже только что вернулся домой.

– Как дела в больнице? – спросил он, весело глядя на доктора.

Саблин буркнул что-то неразборчивое. Любочка не вышла его встречать. Опять где-то загуляла?

Клим вытащил из внутреннего кармана пальто бутылку шампанского и поставил её на тумбочку под зеркалом.

– Это вам гостинец.

Саблин посмотрел на него в изумлении.

– Откуда вы её взяли?

– Нашёл клад.

Кажется, Клим был слегка пьян. Он был единственным, кто не воспринимал ситуацию всерьёз, и его беспечность раздражала Саблина. Ведь это ненормально – в такие времена крутить роман со вдовой офицера! На что они надеются? На что собираются жить?

Заслышав стук в дверь, Клим и доктор переглянулись.

– Это, наверное, Любочка, – сказал Саблин и открыл замок.

Но вместо неё на пороге появились вооружённые люди.

– Мы Комитет голодных, – хмуро представился высокий

сутулый молодой человек в медном пенсне. – Все классово чуждые дома обыскиваются на предмет оружия, спиртного и прочих излишков.

Прихожая наполнилась безмордой суетливой толпой. Захлопали дверцы, закрипели выдвигаемые ящики, повалились на пол сапожные щётки и обувные рожки.

– По какому праву? – завопил Саблин, но тут же осёкся, когда главарь разбойников ткнул ему в лицо револьвер.

– Ты врач? Спирт, морфий, кокаин имеются?

У него было бледное лицо и искривлённый, будто иссушенный нос. Движения порывисты, зрачки расширены, на лбу – крупные капли пота.

«Наркоман, – в ужасе подумал Саблин. – Такой убьёт и не поморщится».

– У нас ничего нет! – проговорил он срывающимся голосом и вдруг вспомнил о злополучном шампанском.

Клим – всё ещё в расстёгнутом пальто – наблюдал за происходящим, скрестив руки на груди. Бутылка исчезла: верно, он успел её спрятать.

Хозяевам и прислуге велели сидеть в столовой.

– Услышим от вас хоть слово – получите прикладом по зубам, – сказал человек в пенсне и повернулся к Саблину. – Если ты наврал насчёт спирта – расстреляю на месте!

Мимо проносились «голодные комитетчики» – кто с кучей полотенец, кто с охотничьими сапогами и хрустальной вазой под мышкой. По ногам гулял сквозняк от беспрерывно

открываемых дверей. Летели перья из вспоротых подушек, на столе валялись семейные документы – метрики, дипломы и квитанции. Мариша плакала навзрыд – у неё забрали американскую машинку для штопки чулок.

«Только бы не обнаружили шампанское!» – молился Саблин.

Клим, насмешливый и злой, шёпотом задирает охранника, курного паренька с винтовкой:

– Тебе сколько лет?

Тот не смотрел на него и молча ковырял в зубах измочаленной спичкой.

– Лет девятнадцать, я думаю, – не унимался Клим. – Из рабочих? Понятно, что не из архиереев. Но в церковь наверняка ходишь. Как насчёт «Не укради», «Не возжелай дома ближнего твоего... ни вола его, ни осла...»?

«Он достукается! – ужасался Саблин. – Нашёл время для проповеди!»

Парень бросил спичку на пол и вытер обветренные губы.

– Товарищ Щербатов говорит, что попы всё врут. Надо, чтобы всё поровну, по чести было: что у одного, то и у другого.

– Пусть будет поровну, – согласился Клим. – Давай винтовку: ты подержал, теперь моя очередь.

– Ишь, хитрый!

– Значит, не хочешь делиться? Как ты сюда попал?

– Фабрика закрылась, есть нечего, а тут плотят.

В дальних комнатах послышался топот.

– Эй, глянь, чё мы нашли!

У Саблина покатилося сердце. В столовую медленно вошёл молодой человек в пенсне. В руках у него был портрет Николая II.

– Чёё? – спросил он, переводя взгляд с одного лица на другое. – Та-а-ак, стало быть, мы раскрыли гнездо монархистов...

– Это моя картина, – сказал Клим. – Поставьте на место и не трогайте. Я иностранный журналист и имею право на вывоз исторических сувениров.

Разбойник удивился.

– Иностранец? А что так хорошо по-русски говоришь?

– На специальных курсах учился.

– Покажь документы!

Аргентинский паспорт смутил реквизиторов. Клим начал плести про выдуманный на ходу Особый комитет по делам печати, про личное знакомство с Лениным и про ответственность за незаконные действия.

– Я могу узнать ваши фамилии? – строго спросил он.

Человек в пенсне вытянул из кармана часы и взглянул на циферблат.

– У нас времени нет, дела.

Банда выкатила на улицу.

Задвинув засов, Саблин привалился к двери взмокшей спиной.

– Ничего не понимаю... Убейте меня на месте, но мне это недоступно...

– А что тут понимать? – презрительно бросил Клим. – Этот негодяй служит в каком-нибудь подотделе снабжения, деньги вышли – вот он и созвал дружков для набега. Знает, крыса, что ему ничего не будет: за буржуев никто не вступится. А иностранец – кто его знает? Вдруг и вправду с Лениным за руку здоровался?

Клим вынул из кармана преступную бутылку.

– Напейтесь, доктор, а то на вас лица нет. – Он накрутил шарф и застегнул пальто. – Я на Гребешок; ночевать там буду. Дверь никому не открывайте, царя сожгите. И пусть Любовь Антоновна не ходит в одиночку по темноте.

Но Любочка вернулась не одна: товарищ Осип проводил её до крыльца, откозырял и исчез в снежном буране.

Она с удивлением оглядела разорённую прихожую.

– Что здесь произошло?

Саблин, измученный и пьяный, вышел к ней с бутылкой в руке.

– Доброй ночи, солнышко. Хочешь выпить? Клим нам шампанское принёс и даже умудрился спрятать его под пальто во время обыска.

Любочка спустила платок на плечи.

– Я попрошу Осипа, и он даст нам охранную грамоту или ещё что-нибудь, – проговорила она дрогнувшим голосом.

– К нам приходили, – сказала Нина, как только Клим вошёл в дом.

– Кто?

– Товарищи, кто же ещё?

Вокруг царил разгром. Значит, это всё-таки был не единственный налёт, а спланированная кампания.

– Они нашли вино? – дрогнувшим голосом спросил Клим. Нина покачала головой.

– Если бы нашли, мы бы тут не сидели. Но у нас забрали всё ценное, даже почти всю одежду. И, кроме того, нам запретили выезжать из города. Поставили в документы штамп, и мы теперь не имеем права покинуть Нижний Новгород без специального разрешения.

Жора тоже вышел в прихожую.

– Забастовка железнодорожников кончилась, и теперь всем буржуйам ограничили свободу перемещения – чтобы мы не разбежались. А то кого винить во всеобщем развале? Но это и к лучшему: хватит сидеть сложа руки! Мы должны драться.

– Нет, – покачала головой Нина, – мы уедем. Это уже не игрушки, нам объявили войну.

– Вот и прекрасно!

– Тебя убьют! Если самому себя не жалко, подумай о Еле-

не и обо мне.

Она посмотрела на Клима, ища поддержки.

– Я поеду в Петроград и потребую у аргентинского посла, чтобы мне помогли вывезти вас за границу, – произнёс он. – Нам не откажут – все-таки у меня есть имя и кое-какие связи в Буэнос-Айресе.

– Только крысы бегут с тонущего корабля! – закричал Жора. – Как я поеду без Елены? Куда я поступлю в вашем Буэнос-Айресе? На дворницкую службу? Я же ни слова не знаю по-испански!

– Иногда людям приходится принимать непростые решения, – тихо сказала Нина.

Весь вечер Жора не мог найти себе места. Как уезжать? Как рассказать обо всём Елене? А вдруг Клим вовсе не собирается вывозить их в Аргентину и лишь хочет сбежать, воспользовавшись благовидным предлогом?

Впрочем, Жора прекрасно его понимал. Сначала большевистская революция казалась Климу забавным приключением, о котором можно писать в газетах, но теперь он понял, что дело принимает серьёзный оборот. Клим не такой дурак, чтобы взваливать на себя ответственность за лишние рты; тем более сейчас, когда у него не осталось ни отцовских денег, ни работы.

Нина, Клим и Жора до полуночи сидели в разгромленной гостиной. Клим размешивал угли в печи, нарочно выбивая искры, и по его хмурому лицу гуляли огненные тени.

Чем дольше Жора обдумывал их ситуацию, тем горячее молился о том, чтобы тот никогда не возвращался из Петрограда. Они с Ниной не пропадут: она умная и найдёт способ, как выкрутиться. К тому же в России наверняка начнётся восстание, узурпаторов скинут, и всё будет хорошо. Университет, свадьба с Еленой, блестящая дипломатическая карьера...

Жора перевёл взгляд на Нину; у него сжалось сердце. Она сидела, тесно прижавшись к Климу, и, казалось, боялась по-

шевелиться.

– Я не знаю, сколько времени пробуду в Петрограде, – произнёс Клим. – И неизвестно, смогу ли писать тебе. Но я обещаю, что вернусь за вами. Что бы ни случилось!

Нина кивнула и подняла на него полные слёз глаза.

– Спать пойдём ко мне, ладно?

Они ушли, словно забыв о Жоре. А он всё сидел, пристыжённый и ошеломлённый. Как Нина могла спать с кем-то – невенчанной? Пусть Клим хороший парень, пусть она любит его – но это безобразие!

На пороге появилась Софья Карловна. В руке её трепетала тонкая церковная свечка.

– А ведь я предупреждала, что этим кончится! – произнесла она. – Сначала ваша сестра спуталась с Фоминым и навеки загубила свою репутацию, а теперь мужчины смотрят на неё как на кабацкую девку. Врут ей, что женятся, а на самом деле им от неё нужно только одно.

– Сейчас другие времена! – дрожащим голосом отозвался Жора.

Но Софья Карловна лишь покачала головой. Она подняла портрет сына, брошенный грабителями на пол, и отёрла треснувшее стекло.

– Господи, Володенька, кого ты привёл в наш дом?

Клим запретил Нине провожать их.

– Не надо, чтобы тебя видели на вокзале. А то ещё прицепится кто-нибудь.

Стоя на крыльце, она смотрела, как Клим укладывает вещи в извозничьи санки. В них уже сидел Антон Эмильевич, закутанный в шубу. Узнав о том, что его племянник направляется в столицу, он решил поехать с ним, а потом дальше, в Финляндию, которая успела вовремя отделиться от большевистской России.

– Простите меня, старика, но я не могу жить в таком кавардаке, – то и дело повторял он. – Пережду революцию в Гельсингфорсе, там у меня есть знакомые.

Клим подошёл к Нине. Её веки опухли от слез, губы дрожали.

– Вернись ко мне!..

Он обнял её и вложил в её руку ключ от своего дома, который уже давно ничего не отпирал. После налёта Комитета голодных Любочка распорядилась поставить новую, укреплённую железными пластинами дверь.

– Что это? – спросила Нина.

– Ключ от моего сердца, – улыбнулся Клим. – Пока мне больше нечего тебе подарить.

– Опоздаем! – закричал из санок Антон Эмильевич.

Нина перекрестила Клима.

– Иди в дом, простудишься! – подтолкнул он её к дверям.

Но она стояла на ветру, пока санки не скрылись из виду.

Билеты в спальные вагоны достать было нельзя – очередным декретом всех пассажиров уравнивали в правах, чтобы и простой народ, и буржуи ездили в одинаковых условиях. Но вместо вагонов третьего класса подали красные теплушки с надписями у входа: «Вместимость – восемь лошадей или сорок человек».

Пол вагона был высоко, никаких ступенек и платформ, и посадка превратилась в штурм. Клим одним из первых оказался внутри – кто-то посадил, а дальше он сам принимал вещи и втягивал за руки пассажиров, большей частью мешочников.

В центре вагона – железная печка, вокруг – нары. Народу набилось столько, что можно было только сидеть вплотную.

– Закрывай двери! – орали мешочники. – Всё, больше некуда!

Дверь хлопнула, лязгнул замок, и пассажиры принялись считать раны, заработанные в побоище. Только тут Клим заметил, что среди них не было женщин. Оно и понятно: нужно быть ненормальной, чтобы сунуться в такую давку, в общий вагон без уборной. Как вывозить Нину в таких условиях?

Антон Эмильевич никак не мог отдышаться – его ткнули локтем в солнечное сплетение.

– Всё-таки изумляет это рвачество! – говорил он, осматривая оторванную ручку чемодана. – Привыкаешь к вежливости... Встретившись с соседом, надо кланяться и любезничать: «Вы первый проходите!» – «Нет, вы!» А тут какая-то свинская боязнь, что не достанется места у корыта.

Как только поезд тронулся, пассажиры достали кисеты с махоркой, и вагон наполнился едким дымом. Климу повезло: ему досталось место у стены, прошитой пулемётной очередью. Из дырок несло ледяным ветром, но это был свежий ветер.

Вскоре всё кругом – одежда, вещи, лица – покрылось тонким белым налётом.

– Это мучная пыль, – шепнул Климу Антон Эмильевич. – Мешочники везут провизию в Москву и Петроград, там с едой намного хуже, чем у нас. Вагон трясёт, вот мучная пыль и летит из багажа.

Клим оглядывал суровые бородатые лица. В советских газетах спекулянтов изображали как слабых, но хитрых слизняков. Ну-ну... Чтобы ехать в переполненных теплушках за тридевять земель, таскать огромные мешки, ежедневно рисковать всем и вся, нужна такая воля, такая решительность, которая и не снилась кабинетным фельетонистам.

На остановках двери не открывали. В них колотили прикладами и грозили кинуть под вагон гранату.

– Местов нету! – кричали мешочники.

Через маленькое окно под потолком они совали местным

мальчишкам котелок, чтобы те принесли кипятку. Расплачивались сухарями.

Играли в карты, дружно гоготали над анекдотами и рассказывали, на какой станции добрее начальство. Постепенно голоса стихли. Храп, треск поленьев в печке.

Клим ткнулся головой в сложенные на коленях руки: то ли заснул, то ли задавил реальность воспоминаниями о вчерашней ночи.

* * *

Жарко натопленная комната; отсвет зелёной лампы на боках фарфоровых коней на комодѐ.

Отчаяние – как перед самоубийством – сливалось с тёплой, пульсирующей радостью обнимать Нину. Чувствовать, как она касается его небритой щеки, слушать её голос:

– Я тебя нарисую: вот так, пальцами... Сначала скулу, потом бровь... Теперь ухо с приросшей мочкой жестокого убийцы.

– Почему убийцы?

– Не знаю... Так говорят: у кого приросшие мочки, тот способен на ужасные поступки.

Она тоже думала о завтрашнем дне, понимала, что так надо, но неосознанно обвиняла Клима в решимости поехать в Петроград и довести задуманное до конца. В решимости покинуть её, пусть даже на время.

Клим проклинал свою беспечность: он должен был ещё осенью выкрасть Нину, увезти, спасти от всего этого...

Он пытался отвлечь её:

– Нарисуй-ка мне большие мышцы, а то на советском пайке я скоро совсем отощаю.

– Не буду. Мужчина должен быть атлетически мускулист, но поджар. Порода подразумевает изящество.

* * *

Дикость какая – вышвырнуть себя из этого поблёскивающего рая в гудящую от храпа вонючую теплушку! Нужно было остаться, пропасть, погибнуть, но всё-таки вместе.

Колеса всё стучали и стучали: так-на-до, так-на-до, так-на-до...

Глава 6. Революционный Петроград

1

Клим и Антон Эмильевич прибыли в Петроград через неделю. Поезд то и дело останавливался, никто не понимал, в чём дело, и только потом выяснилось, что из города эшелонами уезжают беженцы. Выполняя обещание, данное дезертирам, большевики распустили армию и предложили Германии мир без аннексий и контрибуций, но в Берлине их подняли на смех, и теперь немцы беспрепятственно двигались на Петроград.

На Николаевском вокзале толпа осаждала кассы, громы-хали сапогами красногвардейцы, а где-то вдалеке уже гремели выстрелы.

– Немцы идут... немцы... – слышалось со всех сторон.

На Лиговской улице насколько хватало глаз стояли гружёные возы: из-под брезента торчали канцелярские столы и древки свёрнутых знамён. Ломовики орали друг на друга, щёлкали кнуты, ржали лошади. На возах сидели укутанные в платки женщины и дети.

Антон Эмильевич перевёл изумлённый взгляд на Клим.

– Это что за исход народов?

– Правительство в Москву перебирается, – хмыкнул стоявший неподалёку господин в котелке. – Вместе с семьями, челядью и наложницами.

На взволнованную любопытную толпу надвинулись кавалеристы.

– Рас-сой-тис! Прочь! Прочь! – кричали они с явным иностранным акцентом.

– Латыши... – передёрнул плечами господин в котелке.

– Что они тут делают? – спросил Клим.

– Правителей охраняют. Это дезертиры, как и все прочие, только русские-то по деревням отправились – делить барскую землю, а латыши домой поехать не могут – Курляндия и Лифляндия уже оккупированы. Вот они и служат Советам за паёк. Говорят, лучше наёмников не придумаешь: они ни бельмеса по-русски не понимают, и им даже взятку не сунешь.

Антон Эмильевич, хорошо знавший Петроград, объяснил Климу, как добраться до аргентинского посольства:

– С Невского свернёшь на Литейный проспект, а там спросишь, где Пантелеймоновская церковь. Посол живёт напротив. А я сейчас в Смольный – выбивать разрешение на выезд. Вечером встретимся у Хитрука. Ты запомнил его адрес?

Клим кивнул. Хитрук был старым приятелем Антона Эмильевича и, по его словам, должен был пустить их переночевать.

Клим торопливо шёл по улице, оглядывая роскошные здания, которые, как плесенью, заросли рукописными объявлениями. Большевики ввели государственную монополию на рекламу, и теперь все «Куплю» или «Продаётся» расплзлись по стенам и фонарным столбам.

Мимо спешили озябшие, сутулые человеческие фигуры; половина витрин была разбита, окна походили на чёрные пещеры. Вместо вывески над кондитерским магазином алели огромные буквы, намалёванные краской: «Граждане, спасайте анархию!» Теперь даже анархию надо было спасать.

Клим быстро отыскал шестиэтажное здание посольства, которое охраняли польские солдаты в четырёхугольных фуражках и длинных плащах.

Его провели в приёмную, и вскоре к нему вышла черноголовая секретарша с русским пуховым платком на плечах.

– У нас холодно, да и электричество то и дело отключают, – пожаловалась она, показывая на оплывшие свечи на подоконниках и шкафах. – По ночам, по правде говоря, жутко: недавно итальянского посла ограбили – отобрали бумажник и шубу. Охраны у нас никакой: хорошо ещё, польских солдат прислали, но надежды на них маловато. Мировые державы не признали Советы, а в ответ большевики не признают за дипломатами никаких прав. Они даже грозят-

ся арестовать всякого, кто будет восстанавливать против них иностранные правительства. Представляете?

Клим не ожидал, что у дипломатов так мало влияния.

– Я могу поговорить с господином послом? – спросил он.

Секретарша кивнула.

– Я сейчас доложу о вас.

В посольстве стояла мёртвая тишина, даже маятник настенных часов не двигался. Клим несколько раз прошёлся по приёмной и взял со столика «Правду» от 23 февраля 1918 года.

Немецкие генералы организовали ударные батальоны и врасплох, без предупреждения, напали на нашу армию, мирно приступившую к демобилизации. Но сопротивление уже организуется. Оно растёт и будет расти с каждым днём. Все наши силы отдадим на отпор германским белогвардейцам!

* * *

Клим знал, что такое красная гвардия – так называли вооружённые отряды большевиков, чьим опознавательным знаком были красные нарукавные повязки. А белогвардейцы – это кто? Те, кто воюют с большевиками?

– Сеньор Мартинес-Кампос ждёт вас, – позвала секретарша и провела Клима в богато обставленный кабинет.

Господину послу было под пятьдесят. Он носил элегантный серый костюм, подкручивал кверху усы и смотрел на мир сквозь изящное золотое пенсне на цепочке.

– Очень рад знакомству! – произнёс он, протягивая Климу маленькую крепкую руку. – Вы давно в России? Полгода? Кажется, мы с вами стали свидетелями молниеносного упадка великой страны. Как такое могло случиться?

– Крайне неудачное стечение обстоятельств... – начал Клим, но посол его перебил, думая о своём:

– Я несколько раз встречался с Лениным. Это человек большой культуры, но совершенный фанатик... Кажется, единственный декрет его правительства, который пошёл на пользу России, это переход от юлианского календаря к григорианскому.

Климу было не до календарей.

– Я приехал по семейным делам и теперь хотел бы вернуться в Буэнос-Айрес.

– Да-да, я советую вам уезжать как можно быстрее, – кивнул Мартинес-Кампос. – Если у вас нет денег, правительство даст вам кредит. Но выехать можно только через Архангельск или Владивосток – границы перекрыты. Пожалуй, ещё остаётся Финляндия, коль скоро вы получите разрешение у Советов. Если вы выберете этот путь, я напишу бумагу

в Комиссариат иностранных дел.

Мартинес-Кампос сел за стол и вытащил из ящика перо и чистый лист бумаги.

– Мне нужно вывезти семью, – сказал Клим. – Моей невесте запретили покидать город...

– Она гражданка Аргентины?

– Нет, но...

Мартинес-Кампос отложил перо. На его лице появилось утомлённое выражение, будто он заранее знал всё, что ему скажут.

– У меня есть директива – не выдавать виз российским гражданам.

Клим похолодел.

– Почему?

– В Буэнос-Айресе слишком боятся, что большевистская зараза перекинется к нам.

– Даже если речь идёт о супруге аргентинца? Мы поженимся, мы просто не успели оформить документы!

– Исключения не делают ни для кого. Уезжайте, сеньор Рогов, в противном случае вы погибнете. Вы не можете дать больше, чем у вас есть.

Клим направился назад к вокзалу.

Не страна, а царство бумаг! На любое действие изволь получить разрешение: карточки – пропуск к еде, мандат – пропуск в вагон, виза – пропуск к личному счастью. Принеси справку, что ты его достоин!

Ладно, сейчас главное – вернуться к Нине. А там разберёмся, как быть.

Толпа в здании вокзала ещё больше сгустилась. Солдаты из охранной команды тормозили очумевших от бесконечного ожидания людей:

– Не спать! Глядеть за вещами, а то унесут.

Кассирша надрывно кричала на очередь перед своим окошком:

– Билетов нет и не будет! Из города выезжают только женщины, дети и правительственные учреждения.

Она хотела закрыть створку, но Клим не дал.

– Я иностранный журналист, мне нужно срочно попасть в Нижний Новгород.

– Иностранцам в связи с эвакуацией билеты не продаются.

Клим бросился к платформам: чёрт с ними, с бумагами! Если надо, он силой пробьётся в вагон. Но платформы уже оцепили кордоном. Ни с билетами, ни без билетов добраться до поездов было невозможно.

По ночному небу гуляли дымные лучи прожекторов, вдали были заводские сирены, а электричества не было ни в одном окне: Петроград ждал немецких аэростатов.

Клим отыскал большой многоквартирный дом на Моховой улице и поднялся по тёмной лестнице на пятый этаж.

Ему открыла круглолицая горничная со свечой в руке.

– А мы вас давно поджидаем! – сказала она, когда Клим назвал себя. – Антон Эмильевич сказал, что вы придёте. Пальто можете не снимать.

В квартире было холодно, шумно и дымно. В гостиной вокруг стола, освещённого керосиновой лампой, собрались весёлые вдохновенные люди в шубах.

– А вот и мой племянник, прошу любить и жаловать! – воскликнул Антон Эмильевич.

Клим с кем-то поздоровался, не запоминая ни имён, ни лиц, и устало сел в углу рядом с дядей.

– Как дела? – спросил Антон Эмильевич шёпотом, чтобы не прерывать высокого седовласого оратора, ругавшего Советы.

– Дела плохи, – отозвался Клим. – Виз не будет, и билетов в Нижний не достать.

– Отказал посол? Ну и ну! Есть хочешь?

Антон Эмильевич сбегал куда-то и принёс чёрного хлеба.

– Борис Борисович у нас богатый, – кивнул он на оратора. – Его супруга с детьми в Киеве, а он карточки на них получает и живёт как барон. Семь фунтов хлеба – плохо ли?

– А у вас как всё прошло? – спросил Клим.

Антон Эмильевич вытащил из кармана бумажку.

– Я сразу пошёл в Смольный институт благородных девиц... Представляешь, где засела большевистская власть? Объяснил председателю, что мне надо, – и вот, полюбуйся!

Клим долго рассматривал документ с печатью.

* * *

Предъявитель сего, товарищ Шустер Антон Эмильевич, действительно является революционным журналистом.

Командировку в Финляндию разрешить. Всем советским организациям оказывать содействие и помощь.

* * *

– Сколько вы заплатили? – спросил Клим.

– Пятьсот рублей золотыми десятками, – отозвался Антон Эмильевич.

Это за один пропуск. А Климу нужно было три – на Нину, Жору и Софью Карловну, которую всё-таки решили взять с собой (не пропадать же старухе!)

– Сходи и ты в Смольный! – горячо зашептал Антон Эмильевич. – Большевики сами знают, что их власть временная, и набивают карманы, пока есть возможность.

– У меня осталось всего двести рублей, – произнёс Клим.

– Большевики украли у нас революцию! – витийствовал Хитрук. – Опять введена позорная цензура и в газетах появились белые места. Мы не имеем права сидеть сложа руки!

По словам Антона Эмильевича, Хитрук был старым революционным издателем. Его газеты неоднократно закрывались царским правительством, его штрафовали, сажали в Кресты, но он возвращался и снова принимался за старое – овеянный славой и окружённый восторженными почитателями. Фамилию своего вождя они расшифровывали по-своему: Хитрый Руководитель.

С большевиками Хитрук боролся с тем же упорством, что и с царскими жандармами.

– Я нашёл деньги на газету, – объявил он. – Даёт купец, только что освобождён из тюрьмы. Бумага есть, разрешение получено через подставных лиц, с типографией договорились.

Известие было встречено ликованием.

– А когда выходим?

– Послезавтра. Газета будет ежедневной. У нас практически нет конкурентов: в большевистских газетах такой уровень грамотности – хоть святых выноси. Набрали журналистов, которые думают, что империализм – это страна... кажется, в Англии.

Всеобщий азарт, спор о направлении – весьма нахальном, разумеется. Хитрук разделял, властвовал и выдавал авансы.

– Может, вы тоже что-нибудь для нас напишете? – спросил он у Клима, когда гости разошлись. – Ваш дядя сказал, что вы журналист.

Клим описал ему свою ситуацию.

– Однако... – пробормотал Хитрук. – Ну что ж, разберёмся.

Он отвел Антона Эмильевича и Клима в насквозь промёрзшую диванную и выдал им на ночь два полена.

– Извините, мы в этой комнате не топили. Для нашей квартиры требуется сажень дров в неделю, а где их взять? В четырнадцатом году она стоила восемь рублей, а сейчас – четыреста.

Хитрук повернулся к Антону Эмильевичу.

– Ну что, не передумали уезжать? Вы со своими познаниями вот как нужны нам! – Он показал на горло, обсаженное выпуклыми родинками.

Антон Эмильевич грустно вздохнул.

– У вас, дорогой Борис Борисович, столько душевного огня, что вы не замечаете холода. А я не могу жить без отопления и горячей воды – у меня поясница застужена.

Хитрук сел на диван рядом с Климом.

– А вы что намерены делать?

Тот покачал головой.

– Не знаю... Сегодня на вокзале слышал: многие выбира-

ются из Петрограда пешком или на санях.

– Не дурите! – рассердился Хитрук. – На улице мороз, а у вас ни валенок, ни тулупа: через три часа вы замёрзнете насмерть.

Клим молчал.

– Голубчик, вам всё равно придётся где-то жить, пока вы не добудете обратный билет, – проговорил Хитрук. – Может, вы пока останетесь у меня? А то я боюсь, как бы в мою квартиру не подселили пролетариев. Рабочие, которым некуда бежать, получают «классовые мандаты» и реквизируют комнаты в богатых квартирах. Ко мне три раза из домкома приходили: мол, я не имею права один занимать такую большую площадь. Но я как представляю, что какие-нибудь михрютки будут готовить на моей плите и ходить в мою уборную, – мне дурно делается. Тем более вы же видите, у меня постоянные сборища; мы не сможем говорить о делах, если в квартире будут посторонние.

– Что ж вы друзей к себе не позовёте? – спросил Клим.

– Друзья сами ищут жильцов на подселение. В городе почти не осталось порядочных людей, все разъехались. Оставайтесь! С карточками, правда, беда: по последней, буржуйской категории дают осьмушку хлеба, а что там иностранцам полагается – я вообще не знаю. Ну что, согласны?

Клим кивнул.

– Вот и славно, – обрадовался Хитрук. – Завтра пойдёте в домоуправление и зарегистрируетесь. Там секретарь такая...

особая... Придумала себе имя Дурга – то ли дура, то ли карга. Впрочем, сами увидите.

Домоуправление помещалось в бывшей швейцарской. На коричневой двери висел приказ, оповещавший, что Петроград объявляется на военном положении: «Все приезжие должны безотлагательно регистрироваться».

Клим постучался и вошёл.

На стене полутёмной конторы висели два портрета – Ленина и многорукого Шивы. Под ними восседала дама в малиновом вязаном колпаке.

– Мир вам, – сказала она безучастно и зажгла висевшую над столом медную курильницу. Сизый дым потёк к закопчённому потолку.

– Мне бы прописаться, – сказал Клим.

Дама подняла на него круглые ясные глаза.

– Слава богам, что не жениться. А то пришёл тут один из тринадцатой квартиры – хотел посвататься. Я делопроизводитель, через меня проходят дела о продовольственных карточках и увеличении жилой площади, так что многие введены в соблазн. Дурга! – вдруг представилась она и так резко сунула Климу ладонь, будто хотела его зарезать.

Он пожал её худые пальцы. Насколько он помнил, Дурга была индуистской богиней-воительницей, охраняющей мировой порядок.

– Слыхали? Немцы выдвинули большевикам ультиматум,

и те подписали его не глядя, — произнесла она, опуская крышку на курильницу. — Война окончена, только немцы забрали себе все наши западные губернии. А ему, — Дурга показала на портрет Ленина, — ничего не делается: как сидел в правителях, так и сидит. Боги на его стороне!

Она принялась изучать паспорт Клима и заявление о временной прописке.

— Так, Рогов Климент Александрович, 1889 года рождения... Вы в графе «Чем занимаетесь?» указали, что пишете... А что именно?

— В последнее время — заявления и анкеты.

— И этот тоже! — Дурга жалобно посмотрела на Шиву. — Хитрук пишет никому не нужные воззвания, жилец из пятой квартиры пишет стихи, жилец из десятой пишет скрипичные концерты, а когда есть деньги на кокаин, так ещё и божественные откровения... Почему никто не пишет, как дальше жить? — Она осуждающе посмотрела на Клима. — Знакомый продал мне фунт американской кукурузной муки и банку французского маргарина. А дома шаром покати — ничего, кроме соды и соли. Вопрос: что мне делать с этим добром? В поваренной книге все рецепты — как издевательство: «Возьмите три фунта парной телятины...» Откуда, я вас спрашиваю? Расскажите мне про кукурузную муку, а не про мясо, которого больше не существует в природе!

— Сделайте тортию, — посоветовал Клима. — Это такие лепешки. В своё время я только ими и питался.

– Вот и пишите не глупости всякие, а полезные советы! Может, вы что-нибудь про картофельную шелуху или про селёдочные головки знаете? Помните, раньше продавали книжки «Обед за гривенник»? Вот что народу надо! А своему Хитруку передайте, пусть дурыю не мается.

Клим пожал плечами.

– Он не может равнодушно смотреть на...

– Равнодушие – это ровная душа! – рявкнула Дурга. – Вы ко всему относитесь одинаково ровно, ни от кого ничего не ждёте и потому не страдаете. Так и скажите Хитруку!

Она записала рецепт тортии и внесла Клима в реестр.

– Заходите вечером, я вас вашим блюдом угощу.

Глава 7. Заговорщики

1

Прошло больше месяца, но Клим не прислал ни одного письма. Нина то и дело ходила на почту, которая наконец-то заработала, но дама за деревянной перегородкой каждый раз говорила, что на имя Одинцовой ничего не поступало. Из Осинок тоже не было известий, и Нина подозревала, что у неё больше нет завода. Рабочие, не получая платы, наверняка растащили оборудование и разграбили барский дом.

Нина чувствовала себя в заколдованном лесу. Однажды она выбрала неправильную дорожку – отказала Климу, думая, что так она спасёт свою семью и своё дело, – а это была просто проверка: «Покажи, чем ты готова пожертвовать ради любви? Ничем? Ну, тогда ничего и не получишь».

Если бы тогда, в сентябре, Нина послушала Клим, сейчас бы они были в Буэнос-Айресе, в полной безопасности. А теперь всё, что у неё осталось, – это «ключ от сердца» и винный погреб, запасы которого стремительно таяли.

Нина носила подарок Клим на цепочке на шее, как талисман. Вечером, расплетая косу, запускала пальцы в кудри – Клим любил так делать. Утыкалась лицом в подушку, на которой он спал. Ходила по улицам, подмечая невидимые

следы его присутствия: вот тут он уронил в снег перчатку; вот тут катал Нину по ледяной дорожке...

Она помнила всё: разноцветные волоски его утренней щетины – чёрные, светлые, рыжие; глаза цвета крепко заваренного чая; еле приметный шарик-шрамик в мочке левого уха – след от серьги, заведённой в девятнадцать лет и где-то потерявшейся.

Жора говорил, что не собирается связывать все надежды с Климом. У него было одно на уме:

– Мы не можем бросить Россию в трудный час! Сейчас все, кто могут держать оружие в руках, едут на юг и присоединяются к Добровольческой армии, чтобы бороться с большевизмом.

Нина смотрела на него, и у неё сердце обливалось кровью. Жора был ещё совсем птенец – худенький, нескладный, со вздыбленными вихрами над затылком. Какой из него солдат?

Софья Карловна целыми днями молилась и ходила по своим подругам, с которыми они обсуждали прежние времена и проклинали большевиков. Временами она появлялась у Нины и требовала денег, услуг и объяснений, что происходит в этом сумасшедшем мире.

– Семейству княгини Белоневской велели чистить выгребные ямы за вокзалом. Большевики нарочно унижают благородных людей! Что, если и нам пришлют наряд?

– Я не пойду, – отвечала Нина. – Пусть расстреливают, пусть делают что хотят.

– Но если вы не пойдёте, тогда потащат меня!

– И вы тоже примете решение, идти или не идти.

В довершение всех бед большевики арестовали родителей Елены. Им пришёл в голову новый способ пополнения казны: взять в заложники самых богатых горожан и потребовать с них выкуп в пятьдесят миллионов рублей.

– Пираты! – рыдала Елена на плече у Нины. – Это ведь пираты так поступали испокон веков!

Большевики не представляли, что такое «пятьдесят миллионов», для них это было просто «много денег», и они называли сумму, взятую с потолка. Выплатить её было невозможно.

Нина велела Елене перебираться к ней на Гребешок, а сама с ужасом думала о том, что теперь им с Жорой отрезаны все пути к бегству. Как они бросят Елену одну? А она разве сможет оставить родителей?

Однажды Нина зашла к Любочке, чтобы узнать, как дела, но её подруги не было дома.

– Её теперь и не застанешь, – буркнула Мариша. – Она у нас мужеложеством занялась.

– Что? – не поняла Нина.

– Мужу она лжет, вот что! – рассердилась Мариша. – Гуляет со своим большевиком под ручку и подарки от него принимает краденые! Давеча позолоченную щётку принесла с чужими волосами!

Подавленная и оглушённая, Нина отправилась домой. Как

Любочка – умная, честная и благородная – могла связаться с бандитом? Ведь это предательство всего и всех...

Жора подтвердил Маришины слова. Он несколько раз видел на улице нарядную Любочку в компании незнакомого солдата в прожжённой шинели. Оба были настолько поглощены друг другом, что никого не замечали вокруг.

Наступила весна. За ночь на карнизах нарастал частокол сосулек в руку толщиной, а днём с нагретых крыш срывались целые сугробы. Город распарился, обнажился и завонял – оттаивали не чищенные за зиму помойки.

Нина всегда ходила на рынок с братом – у одиноких женщин часто отбирали корзины с покупками. Но сегодня пришлось оставить Жору дома: он решил, что, раз весна, башлык ему ни к чему, и тут же застудил горло. Лихорадки пока не было, но голос пропал.

Официально рынок на Новобазарной площади был закрыт, но каждый день на нём собиралась великая толпа. Частную торговлю в Нижнем Новгороде то разрешали, то отменяли, и стоявшие у входа милиционеры проводили диктатуру пролетариата по собственному разумению, отбирая у людей всё, что ни приглянется. С бывалыми мешочниками они находились во взаимовыгодной дружбе, а торговцы попроще вскладчину покупали им водку или платили беспризорникам, чтобы те приставали к стражам:

– Дядь, а дядь, дай из ружья стрельнуть!

Милиционеры рычали, иногда замахивались прикладами, но бегать за мальчишками ленились.

Рынок кипел, как огромная кастрюля. Торговали всем на свете: портянками, ёлочными игрушками, маковыми плит-

ками и кокаином. Старик-генерал в треснутых очках продавал трубу от граммофона – стоял, переминаясь с ноги на ногу и пряча стыдливые глаза. Тётка в гимназической фуражке поверх платка сбывала две немытые сковороды. Мальчишки совали прохожим трясущегося щенка, шведские спички и папиросы «Ява».

У забора – рогожа, на ней – старые дверные ручки, солдатские ремни и древнее Евангелие в бархатном переплёте. Нина кивнула Мите, худому парню с дёргающимися от тика воловьими глазами, и тот поманил слоняющегося рядом мужика: «Пригляди за товаром».

Нина последовала за ним сквозь толпу, и они вошли в бывшую сапожную мастерскую, насквозь пропахшую клеем и старыми кожами. Солнечный свет едва пробивался сквозь маленькое пыльное окошко и освещал груды сломанных ящиков и ветхого тряпья, наваленные на полу.

– Деньгами будете платить? – спросил Митя.

Нина достала из нагрудного кармана керенки, вырученные в обмен на вино.

– Рису два фунта, мёду полфунта, соли – вот сюда, в спичечную коробку насыпьте. Чай – как обычно, и хлеба... Только в прошлый раз я просила чистый, без примесей, а вы опять подсунули Бог весть что.

– Это в пекарне мухлюют, – отозвался Митя, судорожно мигая.

Получив деньги и корзину, он скрылся за дверью. Нина

ждала, нетерпеливо постукивая пальцами по косяку. С площади доносился гул голосов; она выглянула в окошко – чёрная базарная толпа трепыхалась, как рыба в садке.

Наконец Митя вернулся с корзиной, из которой божественно пахло свежей выпечкой.

Нина пересчитала покупки.

– Вы знаете кого-нибудь, кто покупает дорогое спиртное? – спросила она.

– Какого сорта?

Нина достала из кармана странную скособоченную бутылку с янтарной жидкостью.

– Это настоящий шотландский виски. Его подавали в закрытых клубах, ради шутки. Видите, бутылка сама будто пьяная. До войны она стоила больше трёхсот рублей.

Митя охнул.

– Ну... не знаю... Надо спросить. Пойдёмте!

Они вышли через заднюю дверь в маленький дворик. Чёрный цепной пёс со свалывшейся шерстью кинулся к ним, но, узнав Митю, завилял хвостом.

Нина опасливо косилась по сторонам. «Заведёт сейчас и прибьёт», – подумалось ей.

– Сюда пожалте! – показал Митя на покосившуюся сторожку.

В комнате сильно пахло жареной рыбой – бородатый человек сидел у окна и ел.

– Матвей Львович? – изумилась Нина. – А вы здесь какие-

ми судьбами?

Тот раскинул руки, чтобы обнять её.

– Ниночка, дорогая моя! Ой, погодите, у меня все пальцы жирные... Ну, сколько лет, сколько зим!

Матвей Львович отослал Митю назад на рынок, а сам придвинул Нине тарелку с холодной мойвой.

– Угощайтесь! Очень хорошо, что вы меня нашли, – я сам с вами хотел поговорить. – Он показал на большой короб в углу. – Видите, уже и гостинцев для вас приготовил.

– Где же вы были всё это время? – спросила Нина.

Матвей Львович вытер руки старой газетой.

– В Осинках отсиживался.

– И как там? – с замиранием сердца спросила Нина.

Матвей Львович усмехнулся.

– Петька Уткин, большевик наш местный, собрал мужиков у старосты и объявил, что надо делать сельсовет, а завод и имение конфисковать. Я пришёл к ним. «Кто, – говорю, – сырьё будет поставлять? Кто машины чинить? Петька? Ну, назначьте его управляющим, а мы посмотрим, как он справится».

– Вы отстояли завод?

– Цеха работают, а дом ваш дотла сгорел. Бабы сказали, что это Уткин поджёг, да его же за это и выгнали. А то кто знает? Он и избы спалить может.

Матвей Львович сам объявил в Осинках советскую власть и вывесил над заводскими воротами красный флаг. Но как только молодёжь заговорила о рабочем контроле, он тут же

поставил условие: «Либо я, либо они».

Он назначил управляющим самого толкового из мастеров, а на себя взял сбыт продукции. Заниматься приходилось всем подряд: обесценившиеся деньги мало кого интересовали, и он искал товар на обмен. Матвей Львович вёз кожаные подмётки из Богородска, из Горбатова – рыболовные крючки, из Семёнова – ложки. Недостатка в курьерах у него не было: по деревням шатались целые артели рабочих, оставшихся без жалованья.

– Большевики на каждом перекрёстке ставят против нас заградотряды, а мы где добром, а где боем пробиваемся, – сказал Матвей Львович.

– А что слышно насчёт национализации? – спросила Нина.

Матвей Львович помрачнел.

– Если большевиков не скинут, они рано или поздно конфискуют ваш завод. По Брестскому миру за немцами признано право владеть предприятиями, поэтому все, у кого есть акции, продают их германским агентам, чтоб хоть какие-то деньги выручить. Большевикам это не по нраву, так что они постараются первыми наложить лапу на промышленность.

Он не договорил.

– Облава! – закричали с улицы.

Во дворе бешено залаял пёс. Вскочив, Матвей Львович схватил короб, предназначенный для Нины.

– Бежим!

Они шмыгнули за сарай и перебрались через забор. Мимо по Прядыльной улице мчались крестьянские сани, скребя полозьями по оттаявшей мостовой. Неслись бабы с нераспроданным товаром.

Нина тяжело дышала; ноги и подол юбки вымокли — она несколько раз ступила в лужу.

— Идите и не оглядывайтесь! — шепнул Матвей Львович.

Прогремели выстрелы, и Нина вздрогнула всем телом.

— Да не тряситесь вы так! Если поймают, дадим отступное.

Они рынки громят знаете зачем? Красноармейцам жрать нечего, вот их и отправляют на «борьбу со спекуляцией». Они у баб провизию отбирают — тем и сыты. А рынок всё равно завтра будет работать, только цены вырастут.

Нина знала, что привела в дом опасного человека. Матвей Львович был ещё бóльшим преступником, чем она: за такими людьми охотилась новая политическая полиция под названием «ЧК» – Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. По слухам, в её подвалах творились страшные вещи.

В доме никого не было – Софья Карловна отправилась в церковь, а Жора с Еленой куда-то ушли, – но каждый шорох заставлял Нину вздрагивать. Тем не менее она старалась быть любезной хозяйкой: пригласила Фомина за стол, выложила перед ним сегодняшние покупки и поставила самовар, переживший нашествие большевиков.

Матвей Львович оглядывал столовую с разбитыми посудными шкафами и пятнами на обоях, где раньше висели картины.

– Стало быть, вас ограбили, но не выселили, – задумчиво произнёс он.

– Мы в стороне от дороги живём, – отозвалась Нина. – Среди большевиков много пришлых, они не знают города и, наверное, забыли о нас.

– На что вы живёте?

Нина рассказала о своих винах. Матвей Львович пристально смотрел на неё: то ли одобрял, то ли втайне посмеи-

вался над её коммерческими потугами.

— Я хотел с вами о деле потолковать, — наконец произнёс он. — Нам нужен склад в городе. Сейчас без мешка даже старухи из дому не выходят: вдруг где хлеб или крупу дают? Так что самое время деньги зарабатывать. У вас в доме надёжные подвалы, а из окна весь откос просматривается... И ещё вам надо будет открыть кооператив — вроде для того, чтобы вскладчину с соседями закупать продовольствие и мануфактуру. Через это мы получим нужные бумаги от Нижегородского совдепа и сможем привозить в город товар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.